# ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАСТОЯТЕЛЯ

# ТИХОНОВОЙ ПУСТЫНИ

(Калужской губерніи).

Архимандрита Моѵсея.

—

Составилъ іеромонахъ Досиѳей.

МОСКВА.
Типо-Литографія П. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.
1896.

# ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАСТОЯТЕЛЯ

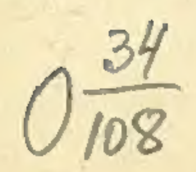
# ТИХОНОВОЙ ПУСТЫНИ

(Калужской губерніи),

## Архимандрита Моѵсея.

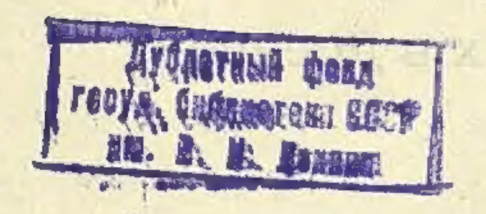
Составилъ іеромонахъ Досиѳей.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.
1896.



От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Августа 28 дня, 1896 года.

Цензоръ Протоіерей *Александръ Смирновъ*.







П. Метцгеръ

## Жизнеописаніе настоятеля Тихоновой пустыни (Калуж. губ.), о. Архимандрита Моѵсея.

4-го ноября 1895 г. мирно почилъ о Господѣ о. архимандритъ Моѵсей, настоятель Тихоновой пустыни, Калуж. губ. Имя его навсегда связано съ благоустроенною имъ за время настоятельства обителью, и надолго удержится любовію и благодарною памятью всѣхъ, притекавшихъ въ эту обитель помолиться святому покровителю ея преподобному Тихону и почерпнуть себѣ духовное утѣшеніе отъ братіи и ея мудраго настоятеля. Великое множество было такихъ искавшихъ утѣшенія и помощи духовной отъ почившаго: и всѣ, кто шелъ къ нему въ обитель, получали утѣшеніе, и въ чувствѣ благодарной любви всѣ, по своему достоянію, благотворили и благоукрашали мѣсто своего утѣшенія, ставшую и имъ дорогою обитель преп. Тихона. И никогда такъ не была благоукрашена св. обитель, за время ея почти 400-лѣтняго существованія, какъ при отцѣ архимандритѣ Моѵсеѣ, такъ что можно сказать, что вся обитель, въ ея настоящемъ видѣ, есть великій памятникъ объ ея мудромъ настоятелѣ-устроителѣ, архимандритѣ Моѵсеѣ.

Велика заслуга почившаго для обители, сугубо въ ней должна быть чтима память о немъ, и неустанная молитва будетъ возноситься о немъ устами

благодарныхъ ему иноковъ и „въ церкви и келліяхъ, чтобы Господь Богъ простилъ ему всѣ согрѣшенія вольныя и невольныя“, какъ просилъ о томъ самъ почившій *). Но и обитель свою онъ украсилъ на утѣшеніе не иноковъ только, но и безчисленнаго множества всѣхъ, притекавшихъ въ нее, какъ въ духовную врачебницу, искать въ ней благодатной помощи у Единаго Врача душъ и тѣлесъ, за молитвы Его великаго угодника преподобнаго Тихона.

Отнынѣ въ благоустроенныхъ почившимъ храмахъ Тихоновой пустыни приходящіе въ нее въ своихъ молитвахъ да помянутъ изъ рода въ родъ того, кто создалъ эти храмы, мѣста духовнаго утѣшенія и врачеванія духовныхъ немощей нашихъ, кто самъ при жизни былъ великимъ утѣшителемъ и врачемъ духовнымъ всѣхъ, приходившихъ въ обитель. Отнынѣ буди незабвенно имя архимандрита Моѵсея въ его обители въ благодарныхъ сердцахъ всѣхъ его знавшихъ и въ молитвахъ всѣхъ приходящихъ въ его обитель.

Для лицъ, невѣдавшихъ почившаго о. архимандрита, преимущественно и предназначается сіе краткое его жизнеописаніе: по нему они познакомятся съ жизнію и трудами почившаго, которые для всѣхъ назидательны,— и съ большимъ усердіемъ молитвенно воспомянутъ великаго труженика.—Для всѣхъ знавшихъ лично почившаго предлагаемый краткій очеркъ да будетъ только напоминаніемъ о почившемъ: нравственный обликъ о. архимандрита еще сильнѣе прояснится въ душѣ ихъ во всей своей духовной красотѣ, на которую въ жизнеописаніи только дѣлаются намеки: ибо почившій, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, великъ былъ какъ живая личность крѣпо-

*) См. его Духовное завѣщаніе, пункт. 7-й.

стію и дарами духа, которые сказывались въ каждомъ его простомъ живомъ словѣ, въ каждомъ движеніи *). Итакъ, любовь знавшихъ о. архимандрита да восполнитъ тѣ краткія свѣдѣнія, какія предлагаетъ сіе жизнеописаніе.

## I.

### Жизнь М. Ѳ. Красильникова (о. Архим. Моѵсея) до вступленія въ монастырь (1814—37).

Мірское имя о. архимандрита Моѵсея было Михаилъ Ѳеодоровичъ Красильниковъ. Родился онъ въ г. Болховѣ, Орловск. губ., въ 1814 г. Родители его принадлежали къ купеческому сословію. Всѣхъ дѣтей у Красильниковыхъ было шестеро: три сына и три дочери. Будучи людьми богобоязненными, въ жизни своей „строгихъ правилъ", они воспитали дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ, и, по воспоминаніямъ знавшихъ ихъ, были счастливы во всѣхъ своихъ дѣтяхъ. А это удѣлъ немногихъ родителей и во-истину есть явное свидѣтельство Божьяго благоволенія; въ настоящемъ же случаѣ Господь сугубо благословилъ благочестивую семью, избравъ въ лицѣ почившаго вѣрнаго служителя Себѣ.

Не предугадывая этого изначала, родители Красильниковы тѣмъ не менѣе съ-измала останавливали на сынѣ Михаилѣ свое вниманіе: въ немъ они видѣли что-то особое въ сравненіи съ другими дѣтьми, „особое устроеніе", выражаясь языкомъ почившаго. Мальчикъ былъ тише, серьознѣе, всегда сосредоточенъ и сдержанъ. Отца радовали эти свойства: по мірскому онъ

---

*) См. Воспоминанія о Батюшкѣ о. архим. Моѵсеѣ монахини Каз. ж. общ. сестр. N.

прозрѣвалъ въ этомъ задатки будущей дѣловитости, такъ цѣнной для успѣховъ торговаго дѣла, и видѣлъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ въ мальчикѣ надежнаго помощника себѣ. Отдавъ его по-началу въ школу, онъ, послѣ непродолжительнаго обученія мальчика, взялъ его, какъ скоро тотъ мало-мальски навыкъ къ чтенію и письму. Съ девятилѣтняго возраста отецъ началъ посылать его по торговымъ дѣламъ съ старшими въ Воронежъ и другіе города, много довѣряя и лично мальчику въ силу его серьознаго характера и дѣловитости, необыкновенной для его возраста.

Понятно, что мальчикъ, так направляемый отцомъ, долженъ былъ держаться особнякомъ среди своихъ братьевъ и сестеръ, а равно и сверстниковъ, съ которыми у него не было ничего общаго, такъ какъ обычныя дѣтскія забавы были всегда чужды ему, а теперь и излишни за другимъ, настоящимъ, серьознымъ дѣломъ. Такое воспитаніе въ дальнѣйшемъ могло бы имѣть и дурной исходъ: изъ мальчика могъ выработаться дѣлецъ, замкнутый, нелюдимый, безсердечный, — еслибы, повторимъ, воспитавшій его родитель не былъ такимъ, какимъ онъ былъ, т. е. прежде всего человѣкомъ богобоязненнымъ, который первѣе всего Бога помнилъ и старался жить по-Божьи, для души. Серьозно ведя свое торговое дѣло, Красильниковъ-отецъ тѣмъ не менѣе всегда памятовалъ, что не это главное въ жизни, не то—чтобы пріобрѣсти, ибо „кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ,“—а главное благоустроеніе душевное, совѣсть чистая и миръ внутреній. Насадить такое же устроеніе душевное въ дѣтяхъ полагалъ онъ своею отеческою обязанностію, и велъ къ тому какъ личнымъ примѣромъ, такъ всѣмъ строемъ управляемой имъ домашней жизни. Здѣсь все было

у Красильниковыхъ благообразно и по чину: уставы и правила св. Церкви блюлись строго; службы церковныя никогда не опускались и домашнее молитвенное правило строго соблюдалось; милостыню и всякую помощь ближнему творили по силѣ неукоснительно. Словомъ, это была истинно христіанская семья, отъ которой мудрый глава ея твердо и настойчиво отводилъ всѣ соблазны мірскіе, ибо самъ, какъ послушный сынъ Церкви, всегда, во всѣхъ случаяхъ своей жизни ввѣрялся ея надеждному руководству.

Въ такой семьѣ, подъ руководствомъ такого отца, понятно, какое направленіе, какой характеръ получили тѣ особыя склонности мальчика Михаила, о которыхъ мы говорили,—его серьозность, дѣловитость, обособленность. Мальчикъ, сосредоточиваясь, уходя въ себя, съ юныхъ лѣтъ былъ „инокомъ", ибо съ-измала начиналъ жить „*иначе*", чѣмъ дѣти его возраста,—по преимуществу жизнію духа, для которой такъ благотворенъ былъ весь строй семейный, проникнутый церковностью. Онъ рано привыкъ въ такой жизни видѣть самое главное, и предаваться благочестивымъ упражненіямъ скоро стало самою сильною потребностію его сердца. Въ свободное отъ торговыхъ занятій или даже въ промежуточное время онъ поддерживалъ всегда въ себѣ такое настроеніе чтеніемъ Чети-Минеи, этой священной лѣтописи христіанскаго подвижничества. Естественно, что душа благочестиваго мальчика скоро возжаждала подвига: просто добрая, благочестивая мірская жизнь не удовлетворяла его. И чѣмъ больше возрасталъ онъ, тѣмъ сильнѣе становилось это желаніе подвижнической жизни, тѣмъ съ большою настойчивостью онъ предавался разнымъ благочестивымъ, аскетическимъ упражненіемъ: часто и усиленно постился, не прини-

мая по два, по три дня пищи, изнурялъ себя трудами, молился по долгу, и нерѣдко, борясь съ искушеніями отъ плоти, подвергалъ себя произвольно страданіямъ, какъ напр.: зимой выходилъ босой на снѣгъ и простаивалъ на молитвѣ по часу.

Все это онъ дѣлалъ, конечно, тайно отъ своихъ домашнихъ. Но отъ материнскаго любящаго сердца что можетъ укрыться! Мать, особенно любившая его, видя немногое и догадываясь объ остальномъ, молила его не изнурять себя постомъ, не работать выше силъ. Михаилъ отговаривался, что этого ничего нѣтъ, что здоровъ, но мало успокаивалъ мать, ревниво слѣдившую за дорогимъ ея сердцу сыномъ.

Такъ продолжалось до 20-лѣтняго возраста. Приближалась важная, рѣшительная пора его жизни: необходимо было юношѣ, „иноку“ въ душѣ, и внѣшне, съ очевидностью для всѣхъ, вступить на путь иночества, или же отказаться отъ мысли о подвижничествѣ и связать себя съ міромъ, вступивъ въ супружество, какъ скоро потребовалъ бы отецъ юноши, такъ какъ мать настоятельно указывала необходимость понудить сына къ этому шагу, чуя материнскимъ сердцемъ, что, иначе, добровольно, онъ его и не сдѣлаетъ. Не подчиниться отцу, которому подчиняться во всемъ привыкъ съ дѣтства безпрекословно Михаилъ, было бы крайне трудно для него, и возможно, потому, что вся религіозная настроенность юноши разрѣшилась бы въ то, что онъ сталъ бы добрымъ міряниномъ, подобнымъ отцу, какъ того и желалъ послѣдній! Но Господь блюлъ Своего избранника и не далъ искушенія сверхъ его силъ! Чтобы рѣшиться преступить волю отца ради Господа, оставить домъ родительскій ради сладости жить въ

дому Божіемъ, нужно было опытно вкусить этой сладости! Промыслъ Божій такъ и устроилъ событія.

Случилось, во первыхъ, то, что имѣвшій одинаковую настроенность съ Михаиломъ двоюродный братъ его Николай, достигнувъ зрѣлаго возраста, съ благословенія матери ушелъ въ Оптину пустынь. Понятно теперь, куда обратились взоры и Михаила: „инокомъ долженъ быть и онъ и идти туда вонъ за братомъ, въ эту обитель, чтобы тамъ подъ руководствомъ мудрыхъ старцевъ проходить путь подвижничества.“ Духъ юноши былъ теперь напряженъ какъ никогда, сердце его рвалось теперь къ подвигамъ въ обители, – сладостныя мечты отнынѣ были только о ней.

Въ такомъ душевномъ состояніи трудно бываетъ человѣку не подѣлиться съ кѣмъ-либо отъ полноты душевной! И вотъ Господь и здѣсь пошелъ на встрѣчу рабу Своему: у Михаила, никогда въ дѣтствѣ не имѣвшаго товарищей, нашлись теперь двое вѣрныхъ сотоварищей, сораздѣлявшихъ его стремленія къ небеснымъ утѣхамъ. Съ ними дѣлился юноша своими мечтами о жизни въ обители, въ ихъ сообществѣ эти мечты созрѣли до твердой рѣшимости. Какъ бы затѣмъ, чтобы окончательно укрѣпить эту рѣшимость, Господь привелъ ему побывать и въ Оптиной, и помолиться о своемъ намѣреніи у святынь Кіевскихъ.

Случилось это такъ, что одинъ хорошій знакомый Красильниковыхъ далъ обѣтъ побывать въ Кіевѣ, и въ выборѣ спутника себѣ остановился на молодомъ Красильниковѣ, предложивъ отцу отпустить сына сопутствовать ему. Отецъ Красильниковъ ничего не имѣлъ противъ далекаго богомолья сына въ сопутствіи такого надежнаго человѣка, конечно, если самъ молодой человѣкъ захочетъ. Нечего и говорить о томъ, съ какою

радостію изъявилъ молодой человѣкъ свое согласіе на то, что было давно горячимъ желаніемъ его сердца. Отецъ выправилъ ему годовой паспортъ и снарядилъ въ дорогу. Предварительно богомольцы направили путь въ Оптину, по обоюдному желанію.

Здѣсь Михаилъ такъ поразился благолѣпіемъ обители, что порѣшилъ было остаться въ ней тотчасъ же; но старецъ пустыни іеромонахъ Леонидъ (іеросхимонахъ Левъ), которому онъ открылъ свое сердце не далъ ему на это благословенія и повелѣлъ ранѣе совершить предполагаемый путь и, возвратясь въ домъ родительскій, ожидать, когда Господь укажетъ исполнить свое намѣреніе. Юноша исполнилъ повелѣніе старца, пошелъ въ Кіевъ и чрезъ мѣсяцъ возвратился домой.

Жить въ мірской суетѣ, работать болѣе для земли и ветхаго человѣка, чѣмъ для неба и духа—стало теперь для него невыносимымъ. Между тѣмъ прямо сказать отцу о своемъ рѣшеніи оставить міръ онъ не могъ, такъ какъ отецъ не допускалъ даже и мысли о возможности монашества для сына: онъ скорѣе готовъ былъ отдать сына подъ красную шапку, чѣмъ видѣть на немъ монашескій клобукъ. Напрасно было бы поэтому теперь раздражать его. Надо было сдѣлать рѣшительный шагъ въ надеждѣ, что отецъ послѣ примирится съ нимъ. И Михаилъ рѣшилъ тайкомъ уйти изъ дома отца. Такое же рѣшеніе приняли его два товарища, о которыхъ мы упоминали выше.

10-е января 1837 г. было днемъ, когда молодые люди опредѣлили покинуть родительскій кровъ. Подробности этого знаменательнаго дня должны были ярко отпечатлѣться въ душѣ почившаго, и вотъ какъ разсказывали объ этихъ минутахъ, со словъ о. Моисея,

люди близкіе къ нему.—„Ударили къ вечернѣ (день былъ праздничный). Михаилъ, по обыкновенію, собрался идти въ церковь, одѣлся немного теплѣе противъ обычнаго, и, не подавая виду, зашелъ проститься къ матери и любимой сестрѣ.—Послѣдней сказалъ только: „прощай, Саша!“—„Куда же ты? ужъ не въ монастырь ли?“—спросила та недоумѣвая.—Онъ отвѣтилъ ей утвердительно, и съ трепещущимъ сердцемъ, которое разрывалось отъ любви къ покидаемой въ невѣдѣніи любимой матери, быстро вышелъ изъ дома въ приходскую церковь, гдѣ поджидали его товарищи. Горячо помолившись здѣсь предъ чтимою съ дѣтства Іерусалимскою иконою Божіей Матери, молодые люди направились къ заставѣ, гдѣ уже ждали ихъ заранѣе нанятыя лошади. Путь ихъ лежалъ въ Оптину, гдѣ они и хотѣли прямо остаться тотчасъ по прибытіи. Но имъ предстояли здѣсь новыя испытанія. А именно—старецъ іеросхимонахъ Левъ (тогда Леонидъ) не благословилъ имъ остаться въ обители прямо, а указалъ продолжать путь чрезъ Калугу и Малоярославецъ къ Троице-Сергіевой Лаврѣ и помолиться по-началу тамъ, у мощей преподобнаго.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ отправились въ дальнѣйшій путь юные бѣглецы, не нашедшіе желаннаго пріюта въ дорогой имъ Оптиной пустыни. Послѣ тревогъ, опасеній и мукъ сердечныхъ имъ такъ хотѣлось отдохнуть и успокоиться подъ обительскимъ кровомъ, а здѣсь въ пути новыя тревоги. Снова воспоминанія о покинутомъ домѣ разрываютъ сердце. — „Пришла жалость о родительскомъ домѣ. Всѣ трое плачутъ и рыдаютъ внутренно... Но другъ другу стараются не показать и виду, бодрятся,

словесно утѣшают и укрѣпляютъ другъ друга“ *). По пути встрѣтился знакомый изъ Болхова; перепуганные они поспѣшили укрыться отъ него, и это удалось имъ: знакомый не заприметилъ и проѣхалъ мимо. Много еще всякихъ трудностей и страховъ пришлось имъ переиспытать въ путешествіи, особенно же на обратномъ пути, когда они, истощивъ свои денежныя средства, шли изъ Москвы уже пѣшкомъ. А дѣло было зимнее. Но Богъ, за молитвы угодника Своего Сергія, которому поклониться ходили молодые люди, хранилъ ихъ, и они невредимо возвратились въ Оптину обитель. Здѣсь пришли опять къ старцу, разсказали ему все случившееся съ ними, и теперь прямо просили его принять ихъ въ число братіи обители. Тогдашній настоятель обители игуменъ о. Моѵсей потребовалъ ихъ къ себѣ, и, переговоривъ съ ними, оставилъ ихъ въ обители, назначивъ каждому изъ нихъ послушаніе.

Такъ началась для молодаго человѣка новая жизнь, „иноческая“ вполнѣ, въ славной обители подъ руководствомъ ея знаменитыхъ старцевъ сначала о. іеросхимонаха Льва (въ монашествѣ Леонида), а потомъ о. Макарія.

Къ разсмотрѣнію этой новой жизни молодаго человѣка теперь мы и обратимся, и постараемся проникнуть усерднѣе, чтобы видѣть, какъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ юный подвижникъ, запасая силы для своего будущаго великаго труженичества, въ качествѣ руководителя совѣстей человѣческихъ.

---

*) Отрывки изъ жизни о. Моѵсея, по разсказамъ почившаго.

## II.

### Жизнь М. Θ. Красильникова, а потомъ о. Моусея въ Оптиной обители (1837—1858).

Но что же это такое Оптина пустынь? И почему она такъ влекла къ себѣ юныхъ подвижниковъ?—Отвѣтить на эти вопросы необходимо, чтобы выяснить ближе все значеніе этой пустыни, какъ разсадника и питомника благочестія на святой Руси.

Имена украсившихъ собою обитель старцевъ о. іеросхимонаха Льва, о. Макарія и сотоварища о. Моусея по монашескому искусу, въ недавнее время тоже въ Бозѣ почившаго старца іеросхимонаха о. Амвросія, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣмъ, и по нимъ и чрезъ нихъ извѣстна, хотя бы по имени только, Оптина пустынь. Для всякаго даже незнакомаго съ нею это—такая обитель, гдѣ процвѣтаетъ жизнь иноческая, ибо изъ нея вышелъ такой рядъ славныхъ подвижниковъ.

Да, и воистину она такова.—Намъ незачѣмъ передавать историческія свѣдѣнія объ этой обители *), возьмемъ ее ко времени прибытія туда М. Θ. Красильникова, справедливо называемому цвѣтущею порою обители.

Къ этому времени относится процвѣтаніе возстановленнаго въ Оптиной обители старчества. Для незнакомыхъ съ этимъ родомъ монашескаго подвижничества передадимъ о немъ коротенько словами лицъ монашествующихъ, хорошо освѣдомленныхъ по этому вопросу **).

---

*) Желающихъ отсылаемъ къ книгѣ Л. Кавелина „Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни.“ Москва 1876 г.

**) Архим. Григорій „Сказаніе о житіи Оптинскаго старца о. іеросхимонаха Амвросія“ М. 1893 г.

„Сущность старчества состоитъ въ слѣдующемъ. Въ монастырѣ (гдѣ введено старчество) волею Божіей и голосомъ братіи поставляется одинъ благочестивый и опытный съ духовно-аскетической жизни инокъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ всѣхъ, какъ общій духовный отецъ и руководитель. Къ нему идутъ не только въ положенное время исповѣдываться, но приходятъ всѣ всегда, ежедневно, и раскрываютъ ему всю свою душу, объявляютъ всѣ свои грѣховные поступки, мысли и желанія.—Чтобы не задумалъ духовный сынъ старца—обо всемъ идетъ онъ совѣтоваться со старцемъ и проситъ его благословенія. У духовныхъ чадъ старца нѣтъ своей воли, нѣтъ своего образа мыслей, нѣтъ своихъ разумѣній... за благословеніемъ приходитъ къ нему самъ настоятель и прочія должностныя лица обители“.

Это старчество было во всѣхъ древнихъ обителяхъ, и ведетъ свое начало отъ отца монашества Антонія Великаго, и распространялось совмѣстно съ распространеніемъ иночества. На востокѣ оно было повсюдно. Благотворность его свидѣтельствовали такіе великіе отцы Церкви и подвижники, какъ Василій Великій, Іоаннъ Лѣствичникъ, Авва Дороѳей, Ѳеодоръ Студитъ, Сумеонъ новый Богословъ и др. *). Съ Востока, особенно съ Аѳона, старчество по-началу перешло и къ намъ въ Россію, но вслѣдствіе различныхъ, неблагопріятныхъ и для христіанства вообще, историческихъ условій стало падать у насъ и старчество, и скоро завѣты его отошли въ область преданій. Возстановителемъ старчества на Руси явился приснопамятный въ лѣтописяхъ монашества архимандритъ Молдавскихъ монастырей, о. Паисій Величковскій чрезъ учениковъ сво-

*) См. эти свидѣтельства въ книгѣ арх. Григорія, стр. 19.

ихъ схимонаховъ Аѳанасія и Ѳеодора. Ученикомъ послѣдняго и былъ насадитель старчества въ Оптиной пустыни, іеромонахъ Леонидъ (въ схимѣ Левъ), подъ руководствомъ котораго воспитывался нашъ юный подвижникъ Михаилъ.

Своимъ мудрымъ руководствомъ, въ сотрудничествѣ затѣмъ вскорѣ съ другимъ мудрымъ старцемъ о. Макаріемъ, о. Леонидъ измѣнилъ весь строй Оптиной обители, привелъ ее въ то цвѣтущее состояніе, въ какомъ засталъ ее молодой Красильниковъ, въ какомъ она, вѣримъ, милостію Божіею находится и доселѣ.

Вотъ какъ описывалъ Оптину пустынь съ ея внутренней стороны тотъ же приснопамятный архимандритъ Григорій, написавшій житіе о. Амвросія Оптинскаго *). „Оптинская пустынь—монастырь особаго типа. Тутъ нѣтъ того богатства и роскоши, которыми изобилуютъ наши штатные монастыри; здѣсь нѣтъ той мірской жизни, которая неудержимымъ потокомъ, вмѣстѣ съ многочисленными богомольцами врывается въ наши лавры и другіе богатые монастыри. Тутъ нѣтъ бойкой, обычной въ монастыряхъ торговли. Тутъ *монастырь* въ собственномъ смыслѣ. Всякій богомолецъ, входя въ монастырь, забываетъ міръ; онъ не несетъ его духа съ собою, а, напротивъ, самъ подчиняется монастырской жизни. Тутъ совсѣмъ иначе ведутъ себя богомольцы; *они входятъ въ духовное общеніе съ монастыремъ, они пріобщаются* его жизни“.

Такъ и было съ юнымъ М. Ѳ. Красильниковъ: онъ со всею горячностію молодаго сердца преискренне пріобщался жизни обители; потому она такъ неотразимо и влекла его сладостью процвѣтавшей въ ней духовной жизни. Вступивъ въ нее, онъ со всѣмъ жаромъ

*) Тамъ же, стр. 25.

предался иноческимъ подвигамъ. „Въ трудахъ монастырскихъ былъ неутомимъ, ни одно праздное слово не выходило изъ устъ его, и, можно сказать, былъ примѣрнымъ послушникомъ для всѣхъ“ *). Сначала онъ проходилъ послушаніе келейное; годъ трудился на кухнѣ; потомъ былъ назначенъ трапезнымъ. Обладая хорошимъ голосомъ, и съ дѣтства вынесеннымъ знаніемъ богослуженія и напѣвовъ церковныхъ, братъ Михаилъ кромѣ того добровольно ходилъ на клиросъ. Помощь его здѣсь была такъ существенна, что вскорѣ онъ былъ назначенъ и уставщикомъ. Такъ изо дня въ день молодой инокъ втягивался въ монастырскую жизнь, получая всегда и во всемъ руководство отъ старца о. Леонида, къ которому постоянно, въ теченіе пяти лѣтъ, ходилъ за благословеніемъ по должности, а временемъ даже жилъ при немъ въ келліяхъ. Старецъ о. Леонидъ былъ весьма строгъ къ новоначальнымъ и тщательно наблюдалъ, чтобы они возможно скорѣе бросали мірскія навыки, наипаче же своеволіе, и пріучались жить въ отсѣченіи своей воли,—что есть самое главное въ монашествѣ. Умѣренному вообще молодому Красильникову онъ, съ первыхъ же поръ, указалъ еще большую воздержность въ пищѣ и питіи. Юноша исполнялъ все съ полною охотою, за что старецъ съ самаго начала съ любовною заботливостью взялъ его въ свое особое духовное руководство и особенно часто преподавалъ ему духовное утѣшеніе въ бесѣдахъ.

А онѣ были такъ необходимы душѣ молодаго послушника, которому послѣ недолгаго успокоенія въ обители надлежало снова идти въ міръ на испытаніе и въ послѣдній разъ вынести тяжелую ду-

*) Отрывки изъ жизни о. Моѵсея, стр. 5.

шевную борьбу, чтобы потомъ оставить міръ навсегда.

Дѣло въ томъ, что для окончательнаго формальнаго вступленія въ монастырь, для того, чтобы пріуказиться къ монастырю, требовалось увольненіе изъ общества, а для сего нужно было снова идти Красильникову въ родительскій домъ къ отцу и умолять его простить и благословить на то, въ чемъ сынъ преступилъ его волю. Настоятель о. Моvсей и старецъ Леонидъ благословилъ Михаила идти, и съ нимъ вмѣстѣ идти двоюродному брату его, тоже послушнику Оптиной пустыни, Николаю. И вотъ оба брата, укрѣпившись духовно, отправились въ Болховъ, ясно сознавая всю трудность предстоящаго имъ дѣла и молитвенно призывая помощь Божію.

Въ Болховъ пришли они поздно, уже на ночь, и робко постучались въ окошко къ матери Николая, которая доводилась невѣсткой отцу Красильникову и жила вмѣстѣ съ ними, только въ отдѣльномъ флигелѣ. Добрая старушка *) несказанно обрадовалась дорогимъ путникамъ и засуетилась, хлопоча чѣмъ-нибудь подкрѣпить ихъ силы послѣ пути. Не смотря на позднюю пору, на огонекъ пришла вскорѣ и мать Михаила, точно почуя материнскимъ сердцемъ, что за гости были у ея невѣстки. Тотчасъ побѣжала она къ отцу. Тотъ велѣлъ позвать сына къ себѣ. Съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ Михаилъ въ родительскій домъ, упалъ въ ноги родителямъ, прося простить причиненную имъ скорбь. Но они оба уже въ душѣ давно простили сына за преслушаніе ихъ воли, убѣдившись, что, очевидно, не

*) Ирина Ивановна, хорошо знакомая послѣ братіи Тихоновой пустыни, гдѣ, въ гостинницѣ, проживала она, молясь около своего батюшки; тамъ, въ монастырѣ, и похоронена.

могъ онъ, всегда покорный и почтительный, поступить иначе въ данномъ случаѣ, что таково, видно, его призваніе. — Радостны, поэтому, были несказанно для всѣхъ эти минуты свиданія; безъ горечи душевной повѣдали теперь родители сыну всю свою скорбь, огорченіе и гнѣвъ отца по его уходѣ, безуспѣшные поиски въ Оптиной; а сынъ, съ своей стороны,—всю тяжесть рѣшенія преступить волю отцовскую, сердечную боль о страдавшей по немъ матери, душевную борьбу между чувствомъ любви и жалости къ покинутымъ родителямъ и влеченіемъ къ жизни монашеской въ Оптиной обители, которая такъ давно уже была предметомъ горячихъ желаній его сердца. Такъ протекло незамѣтно нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ отецъ Красильниковъ выхлопоталъ сыну требуемое увольненіе, и юный послушникъ, теперь уже напутствуемый благословеніемъ родителей, снова направился въ дорогую ему обитель.

Вскорѣ послѣ того, 14-го апр. 1839, Михаилъ Красильниковъ указомъ былъ зачисленъ въ число братіи Оптиной пустыни послушникомъ, и такимъ образомъ навсегда неразрывно сталъ связанъ съ обителью. А такъ какъ въ немъ уже видѣли за эти два года, проведенные имъ въ обители, примѣрное послушаніе, свидѣтельствовавшее о смиреніи его и полной готовности, презрѣвъ свою волю, отдаться руководству мудрыхъ водителей въ дальнѣйшемъ прохожденіи монашескаго пути, то настоятель пустыни о. игуменъ Моѵсей назначилъ ему въ числѣ 10-ти другихъ готовиться къ малому постригу.

Но въ день, назначенный для постриженія, случилось нѣчто неожиданное для самого настоятеля, а для инока явившееся тяжелымъ испытаніемъ, изъ кото-

раго онъ, помощью Божіею, вышелъ съ честью, хотя и не безъ временнаго внутренняго смущенія и борьбы.

Въ церкви, когда готовящіеся къ принятію рясофора стали по чину въ рядъ, и настоятель, обойдя всѣхъ, подошелъ къ бывшему послѣднимъ въ очереди Михаилу, чтобы совершить малый постригъ,—вдругъ подходитъ рухальный и говоритъ, что этому послушнику платья нѣтъ. Это непріятно поразило и самого настоятеля, пока онъ не узналъ, что рухальный дѣйствовалъ по мудрому распоряженію старца. о. Леонида.—Послѣдній, какъ было сказано, замѣтивъ смиреніе и душевную стойкость въ молодомъ послушникѣ, принялъ его въ свою особую отеческую любовь, и воспитывалъ теперь изначала въ немъ эти качества, послужившія потомъ основаніемъ всей многоплодной дѣятельности почившаго въ должности настоятеля, званіи старца и благочиннаго обителей епархіи. Мудрый старецъ о. Леонидъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ еще вмѣстѣ и по другому побужденію: онъ врачевалъ немощную совѣсть другаго послушника, который сильно смутился духомъ по случаю представленія Михаила къ рясофору, ибо оказывался обойденнымъ, хотя и былъ старше по времени пребыванія въ монастырѣ. Юный братъ былъ не въ силахъ бороться съ этимъ особеннымъ монашескимъ искушеніемъ честолюбія, которое въ такомъ его видѣ бываетъ только въ монастыряхъ, и составляетъ дѣйствительно одну изъ главныхъ тяжестей монашеской общежительной жизни, которое часто съ трудомъ несутъ и опытные въ искусахъ монахи; въ данномъ же случаѣ юный послушникъ малодушествовалъ до того, что готовъ былъ оставить обитель. Мудрый и любвеобильный старецъ по заповѣди Апостольской рѣшилъ, чтобы мужественный

Михаилъ понесъ тяготу своего собрата, и юный подвижникъ смиренно несъ эту тяготу. И только чрезъ годъ, т. е. въ 1840 г., онъ былъ постриженъ, съ благословенія старца.

Нужно ли говорить о томъ, какою горячею любовью былъ проникнутъ молодой послушникъ къ старцу, общему отцу и руководителю его въ духовномъ совершенствованіи, и какъ потому должно было успѣшно идти его духовное воспитаніе подъ такимъ руководствомъ.—Упомянувъ сейчасъ 1840-й годъ, не можемъ пройти его молчаніемъ, какъ годъ крайне тяжелый для Оптиной обители, когда въ ней надрывалось отъ любви и жалости не одно сердце за горячо любимаго старца о. Леонида, для котораго это было время послѣднихъ самыхъ тяжелыхъ испытаній. Несомнѣнно сложилъ въ своемъ сердцѣ эти скорби старца и юный послушникъ Михаилъ, въ постоянное руководство себѣ и для подражанія въ благодушномъ и мужественномъ перенесеніи скорбей. „По клеветамъ недоброжелателей, слѣпо обвинявшихъ старца въ нарушеніи монашескихъ правилъ чрезъ руководствованіе приходящихъ къ нему мірянъ.... *) епархіальное Калужское начальство распорядилось перевести старца изъ занимаемой имъ келліи въ другую, подальше отъ воротъ монастыря и отъ народа. Это было уже четвертое переселеніе старца. Снова взялъ онъ Владимірскую икону Божіей Матери и съ пѣніемъ „Достойно“ пошелъ въ новую келлію... Запретили вмѣстѣ съ этимъ старцу и принимать мір-

---

*) По поводу оффиціально признаннаго мнимаго еретичества учениць о. Леонида, Бѣлевскихъ монахинь,—печальнаго недоразумѣнія, происшедшаго изъ-за довѣрчивости Тульскаго Владыки недоброжелательнымъ людямъ. „Начали говорить, что и о. Леонида власти считають за еретика, что ему грозятъ или Соловки или больница Боровскаго монастыря — Арх. Гр. стр. 12 и 23—24.“

сихъ посѣтителей, обязали его, больнаго, ежедневно ходить къ службѣ. Почитатели сильно опасались за старца. Народъ сталъ приходить еще въ большемъ количествѣ и при каждомъ выходѣ старца изъ келліи устраивалъ ему торжественныя встрѣчи: повергались на землю, цѣловали одежды; когда старецъ шелъ въ церковь, то еле могъ двигаться среди густой толпы народа *)...—Все это, конечно, близило къ концу жизнь старца, изнемогавшаго отъ скорбей и многихъ трудовъ. Дни его были уже сочтены. На закатѣ дней своихъ, такимъ образомъ, онъ свѣтилъ душѣ молодого подвижника, и этотъ свѣтъ навсегда остался въ душѣ юнаго Михаила, до конца дней своихъ любовно носившаго въ себѣ духовной образъ великаго, дорогаго отца-руководителя. Но недолго юношѣ-подвижнику оставалось жить подъ отеческимъ покровомъ старца. 11 октября 1841 г. кончилъ свою многотрудную земную жизнь о. іеросхимонахъ Левъ (въ монашествѣ Леонидъ), оставивъ въ неутѣшной скорби своихъ учениковъ.

Наканунѣ дня кончины старца о. Льва, пробывъ не одну ночь безъ сна, сильно разстроенный приближающимся исходомъ болѣзни любимаго старца, Михаилъ изнемогъ, но никогда, по своей ревности, не оставаясь безъ молитвы, сталъ на правило. Отъ изнеможенія дремота одолѣвала его, и глаза сами собой закрывались. Въ это время онъ видитъ старца, грозящаго на него пальцемъ со словами: „Послушай! ты читаешь правило безъ вниманія. Такъ не слѣдуетъ.“ Михаилъ очнулся при этихъ словахъ, дремота исчезла, и онъ со вниманіемъ и сердечною легкостію окончилъ молитву. Этотъ случай какъ бы указывалъ, что и по смерти старецъ духомъ своимъ будетъ блюсти юнаго подвижника.

*) Архим. Григор., стр. 33.

Много поскорбѣвъ о почившемъ старцѣ, братія Оптиной нашла себѣ утѣшеніе въ преемникѣ о. Льва, старцѣ іеромонахѣ Макаріи, къ которому послѣ о. Льва всей душой прилѣпился и юный Михаилъ; духовнымъ отцемъ, родившимъ его собственно въ монашество, и сталъ этотъ старецъ, какъ мы увидимъ ниже.

Вскорѣ послѣ смерти своего духовнаго отца старца о. Льва, пришлось Михаилу хоронить своего плотскаго родителя, старика Красильникова. Всегда благочестивый и строгій въ своей жизни, отецъ Красильниковъ, по уходѣ въ монастырь любимаго сына, сталъ еще болѣе преуспѣвать въ благочестіи. За это и послалъ Господь ему кончину христіанскую, безболѣзненную, непостыдную, мирную. При жизни онъ особенно чтилъ мѣстную Іерусалимскую икону Божіей Матери, и на смертномъ одрѣ былъ утѣшенъ ея видѣніемъ.—Утѣшался его истинно христіанской кончиною и любимый сынъ его, бывшій при немъ послѣдніе дни. Поскорбѣвъ объ отцѣ по плоти, отдавъ ему послѣдній долгъ, Михаилъ возвратился въ обитель, которая теперь стала его родительскимъ кровомъ.

Возвратившись въ обитель, Михаилъ продолжалъ безпрекословно исполнять возложенное на него послушаніе, работая вмѣстѣ надъ собою подъ руководствомъ старца о. Макарія, который полюбилъ его такъ же, какъ о. Леонидъ, и старался воспитывать въ юномъ послушникѣ смиреніе, стойкость душевную и благодушіе въ скорбяхъ,—тѣ качества, которыя потомъ отличали о. Моисея во всю жизнь. Наконецъ, видя что въ послушникѣ воспиталась уже достаточная твердость воли, навыкшей бороться съ искусительными помыслами, и духъ его такимъ образомъ сталъ уже достаточно пріуготовленъ къ принятію мантіи,—старецъ благословилъ ему готовиться къ постриженію.

Ноября 17-го 1847 г. совершилось это великое событіе въ жизни брата Михаила. Для монаха это очень великій день, ибо это его духовное рожденіе въ новую жизнь. И Михаилъ усиленно готовился къ нему, укрѣпляя свой духъ постомъ и молитвою, пользуясь помощію святаго старца, точно провидѣвшаго, что любимому ученику въ сей знаменательный день предстоятъ новыя испытанія. И дѣйствительно много искушеній пришлось вынести постригаемому. Теперь, когда душа его была напряжена и умиленно готовилась къ принятію постриженія, одинъ изъ братій, монастырскій рухальный, считая себя по времени пребыванія въ монастырѣ болѣе достойнымъ постриженія, чѣмъ Михаилъ, злобствовалъ на этого послѣдняго, старался досадить ему всячески и смутить духъ его въ этотъ великій день. Дерзостъ злобствующаго брата дошла до того, что онъ осмѣлился даже учинить неблагообразіе при самомъ постриженіи: мантію для вновь постригаемаго приготовилъ крайне неблаговидную изъ разныхъ кусковъ мухояра и наконецъ камилавку перевернулъ задомъ напередъ. Такъ и простоялъ вновь постриженный всю обѣдню, съ крестомъ въ рукахъ, у иконы Спасителя.

Крестоношеніе началось для него такимъ образомъ съ самого начала жизни монашеской. Несомнѣнно горько видѣть было ему эту злобу соблазнившагося о немъ брата, тѣмъ болѣе что онъ былъ невольнымъ виновникомъ этого соблазна. Помня завѣтъ Евангельскій „молиться за творящаго напасть“,—онъ молился за своего обидчика, какъ и самъ послѣ всегда училъ поступать своихъ духовныхъ чадъ *), ибо видѣлъ въ та-

---

*) Такъ онъ писалъ, напр., одной игуменьѣ: „Касательно же сестеръ, будто онѣ на Васъ нападаютъ; это не онѣ, а орудіемъ только служатъ... помолитесь за нихъ.“ Письмо 10-е, стр. 14-я.

комъ ослѣпленіи брата вражіи козни. Самъ за себя онъ не смущался: въ эти минуты онъ все забылъ, кромѣ Бога, видѣлъ предъ собою только то, къ чему готовился. Умилительный обрядъ постриженія, вызывающій слезы у всѣхъ видящихъ его,—великіе обѣты, даваемые въ дерзновенномъ уповапіи на Божественную помощь,—вотъ что глубоко западало въ душу вновь постригаемаго, вотъ что онъ слагалъ въ сердцѣ своемъ. Душа его глубоко раскрылась для принятія сообщаемаго, и понятно потому, что отнынѣ онъ почувствовалъ себя перерожденнымъ, и моментъ постриженія не забывался имъ во всѣ дни. Послѣ самъ въ качествѣ старца и духовнаго руководителя онъ часто обращалъ вниманіе наставляемыхъ на эти „первые дни“ *) особенно высокой духовной настроенности, духовной радости. Послѣ окончанія обряда настоятель вручилъ новопостриженнаго о. Моусея отъ Евангелія старцу о. Макарію. Сей, оставшись въ церкви наединѣ съ новопостриженнымъ, снялъ съ него камилавку, перевязалъ клобукъ, строго осудивъ непристойный поступокъ рухальнаго. Но молодой инокъ ни мало не поскорбѣлъ, увидавъ себя въ такомъ одѣяніи, ибо другая, лучшая одежда, духовноя радость покрывала его душу.

Отнынѣ все порвано съ міромъ и грѣхомъ, живущимъ въ мірѣ. Съ благодатною помощію Божіею должно начаться неустанное восхожденіе по лѣствицѣ добродѣланія. Со всею ревностію предался теперь молодой инокъ монашескимъ подвигамъ. Здѣсь онъ запасалъ себѣ то духовное сокровище, которыми жилъ потомъ самъ и благоустроялъ другія человѣческія жизни. Онъ и всегда ранѣе, еще съ дѣтства, серьезный.

*) Письмо къ одной игуменьѣ. Письмо 11-е, 13-е, стр. 14; письмо 17, стр. 14; письмо къ одной настоятельницѣ. Письмо 7-е, стр. 21.

скромный, сосредоточенный, теперь всецѣло предался молитвѣ и богомыслію; церковь и келлія, вотъ куда только зналъ путь молодой инокъ. Время отъ времени старецъ подвергалъ его разнымъ испытаніямъ, желая возбудить въ немъ сильнѣйшую ревность къ духовной жизни: и инокъ послушно предавалъ себя старцу, какъ орудіе. — Послѣ почившій такъ много и благодарно вспоминалъ это время своего духовнаго воспитанія, сравнивая тогдашнюю напряженность духовной жизни монашествующихъ и душевное состояніе руководимыхъ имъ иночествующихъ *). Наставленія старцевъ помнились имъ всю жизнь; ими послѣ нерѣдко наставлялъ онъ своихъ духовныхъ чадъ **), въ заключеніе своихъ увѣщаній обыкновенно говоря: „а и старцы говаривали, что поступать надо въ данномъ случаѣ такъ и такъ-то ***). И даже больше,—благоговѣйно чтя память своихъ учителей въ монашествѣ, онъ, сдѣлавшись самъ руководителемъ другихъ, нерѣдко призывалъ молитвенное покровительство ихъ своимъ руководствуемымъ духовнымъ чадамъ, заключая такъ свои письма къ послѣднимъ: „и за молитвами батюшки о. Макарія и Льва Господь мнѣ и вамъ помогъ бы спастись ****)“.

При такомъ благоговѣйномъ отношеніи къ старцамъ, молодой инокъ, по завѣту ихъ, „не терялъ времени,“ а стоя у источника аскетической мудрости, всѣмъ сво-

---

*) „Нынѣшнее время ослабѣло противъ времени о. Льва... вѣрно нынче лукъ туго не натянешь.“ Письмо къ одной настоятельницѣ. Письмо 5-е, стр. 2.

**) Самое старчество въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ онъ несъ какъ послушаніе о. Макарію. См. письма о. Моисея къ одной духовной дочери. Письмо 12-е, стр. 9-я.

***) Письмо къ одной игуменьѣ. Письмо 3-е стр. 9.

****) Письма о. Моисея къ духовной дочери М. Письмо 3, стр. 12.

имъ существомъ приникалъ къ ней, претворяя ее въ собственное духовное содержаніе, которымъ самъ послѣ служилъ другимъ. Быстро шелъ этотъ духовный ростъ инока Моѵсея. Видя его все возраставшее иноческое смиреніе и неусыпные труды, любившій его настоятель, благословеніемъ старца, опредѣлилъ принять иноку Моѵсею духовное утѣшеніе себѣ: въ 1848 г. онъ былъ посланъ въ Калугу, гдѣ преосвященнымъ архипастыремъ и рукоположенъ въ діаконы, 17-го апрѣля.

Смиренному „псалтырщику," какъ любилъ себя именовать почившій въ своихъ письмахъ, уже будучи игуменомъ *), это пріобщеніе къ духовному чину было великою радостію. Отнынѣ онъ уже могъ предстоять престолу Божьему, служить великому таинству, долженъ былъ смиренно возносить молитвы за весь христіанскій міръ. Смиренный, любвеобильный, онъ нынѣ сталъ уже при дверяхъ пастырства, хотя, по своему смиренію вмѣняя себя ни во что, и не помышлялъ о семъ великомъ служеніи. Но по достаточномъ пріуготовленіи неминуемо долженствовало ему подъять и это иго,—и даже больше, стать пастыремъ - руководителемъ подобно своимъ достопамятнымъ учителямъ.

Понятно, что отнынѣ о. Моѵсей усугубилъ свои подвиги, присоединивъ къ нимъ усиленное размышленіе о предметахъ Божественныхъ. Чтеніе Слова Божія и писаній отеческихъ, которое онъ никогда не покидалъ, теперь стало первымъ его, занятіемъ. Вотъ когда онъ запасалъ знаніе писаній отеческихъ, изреченіями коихъ онъ поучалъ всегда самъ братію въ качествѣ настоятеля **). Дѣло пастырства овецъ словесныхъ требуетъ

---

*) Письмо 16, стр. 15.

**) Смотри брошюру „Кончина о. наст. Тих. пуст. о. архим. Моѵсея.

такого знанія къ назиданію пасомыхъ: Св. Писаніе должно быть у пастыря на „краи языка“. Обогащая свой умъ знаніемъ, онъ сердцемъ, въ примѣрѣ великихъ пастырей, учился тому, что есть едино на потребу: любви къ ближнему ради Бога.—Къ досточтимому его учителю старцу о. Макарію шли всѣ обремененные скорбями и недугами, и онъ немощи всѣхъ принималъ на себя, силою Божіей врачуя и исцѣляя изъязвленныя совѣсти человѣческія. Свидѣтелями такого духовнаго врачеванія была, конечно, вся братія обители, ибо на глазахъ всѣхъ утѣшенные въ своей скорби воздавали славу Богу и возносили горячія молитвы за ихъ утѣшителя. Такъ умѣлъ старецъ насаждать миръ въ душахъ.—Великій это былъ подвигъ, но старецъ дерзновенно принималъ его на себя, вѣря въ помощь Божественную, ибо дѣйствовалъ ради славы святаго имени Его: „хотя я грѣшенъ, неразуменъ и немощенъ душевно и тѣлесно, но не отрекаюсь тѣмъ, кто ищетъ утѣшенія или пользы душевной, сказать, то, что Богъ подастъ омраченному уму моему къ ихъ пользѣ и быть въ семъ орудіемъ милосердаго Его отеческаго промысла“ *).

Въ такомъ же смиренномъ сознаніи принялъ на себя, съ благословенія старца, служеніе пастырское о. іеродіаконъ Моусей, бывъ рукоположенъ во іерея 1855 г. іюня 19 владыкою преосвященнымъ Григоріемъ еп. Калужскимъ при посѣщеніи имъ Оптиной пустыни, по представленію настоятеля игумена Моусея.

Едва новопосвященный началъ совершать прохожденіе своего новаго служенія подъ кровомъ дорогой обители среди собратій и учителей, сорадовавшихся его великой радости священнослуженія, — какъ Господь пріуготовилъ ему выступить на болѣе широкое попри-

*) Архимандритъ Григорій, стр. 53.

ще дѣятельности: онъ былъ назначенъ 22-го августа того же года настоятелемъ Тихоновой пустыни. Опытный глазъ владыки, по указанію духовныхъ наставниковъ о. іеромонаха Моѵсея, усмотрѣлъ въ немъ человѣка по своимъ духовнымъ свойствамъ наиболѣе полезнаго для обители, которую предстояло благоустроить и управить по образцу Оптиной.

Отпуская своего питомца на новое поприще духовнаго дѣланія, старецъ о. Макарій и настоятель архим. Моѵсей, одинаково любившіе о. Моѵсея, утѣшали и ободряли смиренно принявшаго новое служеніе инока, говоря „что Господь за послушаніе его поможетъ ему“ *). При этомъ, всегда сдержанный въ проявленіи своихъ чувствъ, архим. Моѵсей оказалъ самую отеческую нѣжность къ отпускаемому изъ обители ея питомцу. Прощаясь, онъ сказалъ о. Моѵсею: „былъ у меня во все время правленія одинъ уставщикъ такой, какихъ не было прежде и не будетъ; я имъ много былъ успокоенъ и доволенъ“ **). Великое было это ободреніе о. Моѵсею, покидавшему родную, съ юности дорогую ему обитель. Самъ онъ и помыслить не могъ, какъ будетъ жить отнынѣ одинъ, безъ руководства своихъ досточтимыхъ учителей, и просилъ старцевъ не оставлять его своею духовною помощью, совѣтами и указаніями по управленію ввѣряемой ему обители. Получивъ успокоеніе отъ старцевъ, что онъ не будетъ въ потребное время оставленъ безъ руководства, о. Моѵсей покинулъ родную обитель, въ которой прожилъ 20 лѣтъ, совершая свое духовное устроеніе, для того, чтобы послужить своею духовною крѣпостью братіи Тихоновой обители. Это служеніе онъ и несъ до самой своей кончины, трудясь

*) Отрывки изъ жизни о. архим. Моѵсея, стр. 11-я.

**) Тамъ же.

неустанно сначала какъ настоятель только этой обители, а послѣ какъ благочинный всѣхъ монастырей Калужской епархіи и духовный отецъ многихъ иночествующихъ.

Къ разсмотрѣнію этого многоплоднаго служенія мы и перейдемъ теперь, закончивъ обозрѣніе времени духовнаго созиданія, работы надъ собою лично, будущаго труженика, на поприщѣ руководствованія другихъ къ такому же духовному устроенію.

## III.

### Настоятельство о. Моисея въ Тихоновой пустыни до назначенія благочиннымъ монастырей Кал. Еп. и возведенія въ санъ Архимандрита (1858—1866).

Все время настоятельства о. Архимандрита Моѵсея въ Тихоновой пустыни. отдававшаго на служеніе ей всѣ свои силы душевныя и тѣлесныя. можно раздѣлить на два періода. Первый періодъ былъ преимущественно временемъ усиленныхъ трудовъ о. настоятеля по духовному переустройству обители, временемъ скорбей и туги душевной, пока Господь не далъ ему овладѣть кормиломъ правленія такъ, чтобы уже крѣпкою рукою покойно править ее среди волнующагося вокругъ моря житейскаго, безъ боязни, чтобы волны его не захлестнули въ сей корабль хотящихъ спастися.

Итакъ, вновь назначенный о. настоятель прибылъ немедля въ свою новую обитель. Братія съ охотою встрѣтила по слухамъ уже извѣстнаго ей настоятеля, который сразу располагалъ къ себѣ всѣхъ своею привѣтливостью и вмѣстѣ внушалъ невольное уваженіе серьезно сосредоточеннымъ, чисто иноческимъ видомъ.

Несомнѣнно было, что это человѣкъ не слова только, а и дѣла. И дѣйствительно, новый настоятель сталъ тотчасъ же трудиться неустанно на пользу обители. Посѣтивъ храмъ, онъ убѣдился, что храмъ недостаточно благолѣпенъ внутри, и тотчасъ приступилъ къ работамъ по возобновленію старой и украшенію его новой живописью. Владыка архіерей ранѣе еще предлагалъ ему спачала приспособить хотя бы къ сносному помѣщенію настоятельскія кельи, пришедшія въ ветхость, но настоятель справедливо избралъ поначалу благоустроить по возможности домъ Божій; затѣмъ уже послѣ приступилъ къ переустройству келлій братскихъ и настоятельскихъ. Нужда заставила настоятеля взяться прямо за эти работы, ибо дѣло не терпѣло отлагательства. Но не менѣе настоятельна была нужда во внутреннемъ переустроеніи обители, которая далеко отстала отъ Оптиной, хотя бы потому, что здѣсь не было старчества, не было откровеній братіи старцу, къ которымъ такъ привыкъ о. Моѵсей въ Оптиной. На своемъ личномъ опытѣ онъ зналъ, какъ важно, особенно для новоначальныхъ, это духовное руководствованіе старца: а вѣдь только при добромъ началѣ возможенъ добрый конецъ, да и въ прохожденіи всего пути иночества благопотребна, а по ученію многихъ подвижниковъ *), и необходима помощь старца.

Естественно, поэтому, что о. Моѵсей рѣшилъ возстановить старчество въ Тихоновой пустыни, хотя бы сперва для новоначальныхъ. Трудность введенія старчества обусловливалась въ данномъ случаѣ въ Тихоновой пустыни не только тѣмъ, что это было новшество, ломавшее обыденную, застывшую въ извѣстныхъ формахъ монастырскую жизнь, —и поэтому только уже

*) Свидѣтельства оо. и подвижниковъ, см. въ книгѣ архим. Григорія.

могло старчество встрѣтить себѣ препятствія; но главное затрудненіе было въ томъ, что не могло быть дано отъ Оптиной пустыни старца - руководителя обители Тихоновой, который преемственно утвердилъ бы и здѣсь этотъ родъ жизни иноческой, какъ прямой наслѣдникъ и носитель духа и завѣтовъ старчества. Да и кромѣ того, въ самой Тихоновой пустыни не было подходящаго опытнаго старца, способнаго къ такому духовному руководствованію и словомъ назиданія и наипаче явленіемъ въ себѣ духа и силы.— Тѣмъ не менѣе о. Моѵсей, посовѣтовавшись со старцемъ о. Макаріемъ, предназначилъ въ старцы молодаго еще инока, казавшагося способнымъ къ духовному назиданію хотя бы не отъ личнаго опыта, но отъ словъ Писанія, представивъ его къ посвященію въ іеромонашество. Прибавляютъ къ сему слышавшіе разсказъ отъ людей достовѣрныхъ, что старецъ о. Макарій хотя и благословилъ о. Моѵсею выбрать этого монаха въ старцы, но добавилъ при этомъ: „охъ! много горя тебѣ отъ него будетъ.“—Но что значитъ личное горе для монаха, когда на этомъ горѣ зиждется благо другихъ: и о. Моѵсей не перемѣнилъ своего рѣшенія.

Лично самъ о. настоятель былъ во всемъ примѣромъ для братіи: къ службѣ неопустителенъ, всегда сосредоточенъ, молитвенно благоговѣенъ. Къ утренѣ всегда являлся первымъ и внимательно слѣдилъ, чтобы и братія не опускали соборнаго правила, наставляя, что, вставая на эту раннюю службу, мы распинаемъ плоть свою, и, стало быть, особенно благоугождаемъ Богу.— Въ жизни своей о. Моѵсей всегда былъ крайне воздерженъ: трапезовалъ вмѣстѣ съ братіей, не дозволяя изготовлять себѣ что-либо дома. Такъ же сораздѣлялъ онъ съ братіей и трудъ на обитель: молотить ли хлѣбъ,

рыть картофель,—онъ выходилъ вмѣстѣ со всѣми и тѣмъ поощрялъ братію къ нелѣностному труду. Если кого замѣчалъ уклоняющимся отъ ревностнаго исполненія своего послушанія или вообще малоуспѣвающимъ въ иноческомъ добродѣланіи,—въ молитвѣ ли, въ воздержаніи ли духовномъ, — то таковыхъ исправлялъ, назидая любовно и кротко. Какъ бы ни былъ виноватъ братъ, никогда никто не слыхалъ, чтобы настоятель возвысилъ свой голосъ на него; а смиренное „прости Христа ради“ сознавшаго свое упущеніе или небреженіе брата и совсѣмъ снимало съ него всякую вину въ глазахъ настоятеля. И братія поначалу послушно стала подъ вліяніе новаго настоятеля, во всемъ безпрекословно отдаваясь его мудрому руководству, тѣмъ болѣе, что самъ онъ въ важныхъ случаяхъ прибѣгалъ за помощью, и получалъ всегда мудрый совѣтъ отъ своихъ отцовъ, старцевъ Оптиной пустыни.

Но вскорѣ настало для о. Моусея рядъ тяжелыхъ испытаній. Во первыхъ, пришлось ему понести одну за другой горестныя утраты дорогихъ его любвеобильному сердцу наставниковъ, продолжавшихъ до самой смерти руководствовать его. Черезъ недолгое время послѣ удаленія о. Моусея изъ Оптиной обители Господь отозвалъ къ Себѣ старца о. Макарія. 7 го сентября 1860 г. о. Макарій скончался на 72-мъ году своей многоплодной жизни. Сильно скорбѣлъ о немъ о. Моусей вмѣстѣ со всею обителью и многочисленными почитателями почившаго. Но всѣ соутѣшены были взаимною любовью къ старцу, которая проявлялась теперь такъ сильно въ изъявленіи благоговѣйнаго почитанія дорогому покойнику. Погребальное шествіе иноковъ и сопровождавшей гробъ тысячной толпы, при перенесеніи его изъ скита въ монастырь, было такъ величественно, что

смотрѣвшій на это шествіе настоятель Оптиной обители о. архимандритъ Моисей удивился его велелѣпію и сказалъ: „это совсѣмъ какъ перенесеніе мощей“ *).

Лишившись своего главнаго руководителя и отца, о. Моисей имѣлъ пока еще все же опору въ лицѣ настоятеля Оптиной обители о. архимандрита Моисея. Но и сей вскорѣ послѣ о. Макарія отошелъ ко Господу. 1862 г. іюня 19 не стало о. архимандрита Моисея. Въ Оптину обитель на погребеніе его прибылъ самъ Владыка преосвященный, и здѣсь на служеніи, какъ бы въ утѣшеніе строителю Моисею, близость котораго къ почившему онъ зналъ, произвелъ его въ санъ игумена.— Какъ всегда, со смиреніемъ принялъ о. Моисей сіе новое назначеніе, видя въ немъ указаніе Божіе къ большей ревности въ дѣлѣ настоятельства. А осенью, въ августѣ того же года, Владыка, бывъ въ Тихоновой пустыни, какъ бы самъ ввелъ окончательно настоятеля въ новое званіе, вручивъ ему игуменскій посохъ на глазахъ всей братіи обители и сказавъ обычное назиданіе о томъ, чтобы со страхомъ пасти ввѣренное ему стадо овецъ Христовыхъ. Помнящіе это утвержденіе о. Моисея въ игуменствѣ разсказываютъ, что, когда Владыка вручалъ жезлъ о. Моисею, послѣдній былъ блѣденъ отъ душевнаго волненія **), ибо сознавалъ, что съ получаемыми большими полномочіями ему предстоитъ большая и отвѣтственность и предъ людьми и предъ Богомъ наипаче. Еще усиленнѣе сталъ трудиться о. Моисей по устроенію обители внутреннему и внѣшнему, требовавшему такъ же его опытнаго хозяйскаго глаза. Въ 1864 г., ѣздивши по дѣламъ обители, отецъ Моисей сильно простудился, и съ 13-го августа

*) Книга архим. Григорія, стр. 172.

**) Отрывки, стр. 13-я.

слегъ въ постель. Господь посѣтилъ его такою тяжкою болѣзнію, что бывали дни, когда съ минуты на минуту ждали его кончины. Пользовавшій его врачъ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Тогда болящій рѣшилъ всецѣло отдаться въ руки „Единаго Врача душъ и тѣлесъ", бросилъ лѣкарства и сталъ только пользоваться водою изъ колодезя, вырытаго угодникомъ Божіимъ преподобнымъ Тихономъ. За молитвы угодника Божія Господь воздвигъ болящаго съ одра болѣзни. Въ великій праздникъ Рождества Христова онъ въ первый разъ вышелъ въ храмъ, но служить не могъ за слабостію до самаго Великаго поста.

Перенесенная о. Моисеемъ, тяжкая болѣзнь послужила къ вящшему его духовному просвѣтленію: лежа на одрѣ болѣзни онъ укрѣплялся и очищался духомъ, „творя умную молитву Іисусову" *). Великимъ утѣшеніемъ ему служило еще то, что среди братіи обители былъ ненарушимый миръ. Онъ такъ высказывалъ это нѣкоторымъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: „Благодарю Господа, что въ обители миръ и согласіе. Это дороже всего. Помолитесь, чтобы Господь сохранилъ и впредь, а недостатки это все какъ-нибудь Господь покроетъ." — Но въ томъ, что составляло его главную отраду и утѣшеніе, ему суждено было понести крестъ Промысломъ Божіимъ.

Тихое, мирно радостное теченіе жизни въ обители для того, чтобы упрочиться въ ней навсегда, должно было преодолѣть противное ему направленіе жизни у людей своевольныхъ, себялюбивыхъ, встрѣчающихся въ каждомъ монастырѣ, и вопреки монашескому обѣту послушанія или косно противоборствующихъ своимъ руководителямъ, или прямо возстающихъ на нихъ. Такое

*) Слова самого почившаго. Огрывки, стр. 14-я.

возстаніе въ обители на о. Моисея, воздвигъ, попущеніемъ Божіимъ, врагъ рода человѣческаго. Орудіемъ своимъ избралъ онъ отличеннаго самимъ настоятелемъ духовника обители, вложивъ въ сердце его тщеславіе своимъ положеніемъ и крайнее недоброжелательство къ настоятелю, т. к. онъ почиталъ себя и ученѣе и выше по духовной опытности, какъ духовный отецъ и прямой руководитель братіи. Горестное предсказаніе о. Макарія сбывалось: начало старчества въ Тихоновой пустыни оказалось въ лицѣ перваго духовника пустоцвѣтомъ, и не дало ничего кромѣ горя всей обители. Зло сѣялъ въ сердцахъ братіи тотъ, въ комъ думалъ видѣть о. Моусей добраго сѣятеля и надежнаго помощника себѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ насаждалъ въ душахъ наиболѣе простодушныхъ иноковъ недовѣріе и недоброжелательство къ о. игумену, будто бы отягощавшему братію непосильными трудами до истощенія. Не находя ничего однако, въ чемъ бы можно было обвинить дѣйствительно настоятеля, онъ отыскалъ наконецъ обвиненіе, недостойное для обвиняющихъ, потому что, будучи ложнымъ, оно изобличало въ нихъ полное забвеніе перваго иноческаго обѣта, — воздержанія.

Въ 1866 г. онъ подговорилъ нѣкоторыхъ изъ братіи жаловаться на скупость настоятеля, якобы о. Моусей не даетъ удовлетворительно трапезы для братіи. И это тогда, когда трапезу всегда сораздѣлялъ съ братіей самъ настоятель! Владыка поначалу повѣрилъ клеветникамъ, и вызвалъ о. игумена Моусея для объясненія. Но видя съ какою невозмутимостью выслушиваетъ настоятель всѣ обвиненія, не стараясь оправдываться, а только прося отпустить его изъ обители, „если это устраненіе его одного сохранитъ миръ всей обители“ *), убѣдился въ ложности

*) Отрывки, стр. 15.

и преувеличеніи недоброжелателей, и съ миромъ отпустилъ о. Моисея. А спустя нѣсколько времени, получивъ извѣстіе стороною, что духовникъ продолжаетъ возмущать братію противъ настоятеля, послалъ приказаніе о. игумену выслать этого монаха вонъ изъ обители. О. Моисей поѣхалъ снова просить Владыку за виновнаго, желая самъ потерпѣть, чѣмъ подвергать брата наказанію. Но Владыка подтвердилъ свое требованіе настоятелю. — Когда духовнику стало извѣстно рѣшеніе Владыки, онъ прямо обвинилъ настоятеля въ своемъ удаленіи, и успѣлъ увлечь за собою нѣкоторыхъ изъ братій. Всѣхъ ушло до 15-ти человѣкъ, и все это были люди нужные для обители по занимаемымъ имъ должностямъ въ дѣлѣ монастырскаго хозяйства и церковномъ служеніи. Какъ ни тяжело это было настоятелю, но онъ съ миромъ отпускалъ всѣхъ, ни словомъ не упрекая, не уговаривая, никому не выдавая своего душевнаго страданія. Для остававшейся братіи онъ самъ, по скольку могъ, старался замѣнить ушедшихъ: во время утрени всегда самъ, по недостатку въ іеромонахахъ и іеродіаконахъ, становился читать поученіе; помогалъ и во всемъ другомъ, въ церковномъ чтеніи и во всякихъ работахъ по монастырскому послушанію. Это смиреніе о. игумена глубоко трогало даже стороннихъ обители лицъ, которымъ случайно приходилось усматривать его.—Такъ случилось одной духовной дочери о. Моисея, бывъ въ обители, придти къ утрени весьма рано. Входитъ она въ храмъ и видитъ, что самъ настоятель стоитъ у аналоя, читая вмѣсто запоздавшаго послушника утреннія молитвы; и, вычитавъ ихъ, смиренно передаетъ продолжать чтеніе чередному, тогда уже пришедшему.—До слезъ она была тронута, и навсегда сложила въ сердце своемъ

это смиреніе и кротость настоятеля, ни слова не сказавшаго послушнику о его упущеніи.

Когда Владыкѣ отъ духовныхъ дѣтей, помимо о. Моѵсея, стало извѣстно о поступкахъ братіи, онъ сказалъ: „Цѣню смиреніе и кротость о. игумена; но противъ такихъ людей надо было быть отцемъ N“... (тутъ Владыка назвалъ предшественника о. Моѵсея, который былъ строгъ и властителенъ къ братіи) *).— Желая же утѣшить о. игумена, онъ вызвалъ его къ себѣ, когда пришло утвержденіе къ наперстному кресту отъ Сѵнода, и теперь самъ возложилъ на него, при торжественномъ соборномъ служеніи 2-го іюля (чествованіе положенія Ризы Богоматери), когда враждовавшіе противъ о. Моѵсея братья не успѣли еще выѣхать изъ Калуги.

Узнавъ ближе и оцѣнивъ о. Моѵсея, Владыка нерѣдко вызывалъ его къ себѣ. И когда послѣдній, помощью Божіею, устроилъ обитель, утвердивъ въ ней снова, и на этотъ разъ навсегда миръ и тишину, такъ что не осталось и слѣдовъ бывшаго смятенія, — Владыкѣ было угодно ввѣрить подъ его опытную теперь и крѣпкую руку всѣ монастыри Калужской епархіи. Въ 1866 г. о. Моѵсей, противъ желанія, былъ утвержденъ въ должности благочиннаго всѣхъ монастырей.

И вотъ началась для него новая, вдвойнѣ трудовая жизнь, а для обители и ввѣренныхъ ему монастырей самая благотворная пора,—особенно же для Тихоновой обители — время ея процвѣтанія внутренняго и благоукрашенія внѣшняго.

---

*) Отрывки, стр. 16.

## IV.

**О. игуменъ Моусей въ званіи благочиннаго монастырей Калужск. епархіи; и труды его по благоустроенію Тихоновой обители за это время и послѣ въ санѣ архимандрита по-преимуществу (1866—1871) до самой кончины († 14 ноября 1895).**

Какъ послѣ грозы очищается воздухъ, и миръ и тишина разливаются въ природѣ внѣшней: такъ и въ обители преп. Тихона съ особенной радостью теперь, послѣ искушенія, братія принимала миръ въ сердца свои, въ послушномъ слѣдованіи волѣ мудраго игумена. А ему Господь послалъ въ его подвигѣ и добраго помощника въ лицѣ старца іеромонаха Ефрема, въ схимѣ Іоанна, теперь уже въ Богѣ почившаго († 25 іюня 1884 г.). Въ Тихонову обитель онъ перешелъ въ 1862, а въ 1867 г. былъ избранъ о. игуменомъ духовникомъ братіи. Служеніе свое онъ проходилъ ревностно и благотворно, имѣя даръ назидать словомъ Божіимъ и давать полезные совѣты. Братію, ввѣренную ему, тщательно блюлъ въ отношеніи духовнаго преуспѣянія. „Бывало, какъ не видитъ кого долго на откровеніи, велитъ позвать и отечески посѣтуетъ ему; а братъ, получивъ духовное назиданіе и уврачевавшись чрезъ открытіе помысловъ, уходитъ обновленный, съ сердечною легкостію, избавившись отъ искушенія *). И самъ о. игуменъ продолжалъ неустанно трудиться надъ устроеніемъ обители внутреннимъ и внѣшнимъ. Онъ заботливо направлялъ братію къ прохожденію монашеской жизни, каждому изъ братіи давалъ сообразное съ его силами и способностями послушаніе, наблюдалъ за рачительнымъ исполненіемъ его, наставляя, вразумляя или поощряя къ сему. Каждаго

*) Жизнеописаніе о. Ефрема, стр. 1-я.

приходящаго въ обитель инока принималъ самъ, объяснялъ ему всю важность и трудность монашескаго подвига, раскрывалъ предъ нимъ весь смыслъ иночества, научая, что жизнь иноческая, въ противоположность мірской, состоитъ въ отреченіи отъ плотскаго себялюбія, и что приходящему, первѣе всего, надо оставить всѣ грѣховные навыки мірскіе и начать жить въ отсѣченіи своей воли, смиреніи и трудѣ. А для сего наставлялъ онъ юныхъ иноковъ всею душею отдаваться руководству старца, возможно чаще имѣть откровенія отцу духовному своихъ помысловъ, и, въ дѣлѣ своего душевнаго устроенія ввѣряясь ему всецѣло, слѣдовать указываемымъ имъ правиламъ.

Такъ любовно и согласно правили обителью настоятель и его вѣрный помощникъ, духовникъ о. Ефремъ.

Когда число братіи возросло достаточно, о. настоятель, по примѣру незабвенной для него Оптиной, ввелъ въ обители всѣ три рода монашеской жизни: общежительную, скитскую и пустынножительство, давъ для сего руководство въ правилахъ, на основаніи уставовъ и ученій св. отцовъ подвижниковъ, и направляя къ такой жизни по указанію долголѣтняго личнаго опыта подвижническаго.

Заботясь такъ о внутреннемъ устроеніи обители, о. игуменъ Моисей ревностно исполнялъ свои настоятельскія обязанности по наблюденію и содѣйствію внѣшнему устроенію обители. Онъ тщательно наблюдалъ за храненіемъ церковной утвари и библіотеки, пополняя ихъ по силѣ возможности; исправлялъ и вновь пристроивалъ, когда это становилось необходимымъ, монастырскія зданія; входилъ со всею внимательностію въ монастырское хозяйство, озабочивался земледѣліемъ, примѣняя усовершенствованные способы

земледашества; наблюдалъ за лѣснымъ хозяйствомъ. ростя и сберегая принадлежащую монастырю лѣсную площадь.

Но что составляло предметъ его главныхъ заботъ,— это благоукрашеніе обители храмами. А для сего такъ долго не было средствъ у обители, хотя и много было богомольцевъ въ ней и много духовныхъ чадъ и почитателей у ея славнаго игумена. Но Господь помогъ ему на закатѣ дней своихъ совершить великое дѣло благоустроенія обители.

За его труды по обители и по управленію монастырями Калужской епархіи, въ 1871 г., онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

Чувствуя ослабленіе силъ своихъ отъ многотрудной, многолѣтней дѣятельности, онъ просилъ объ увольненіи его отъ должности, но не, получивъ его, продолжалъ трудиться въ ней съ обычнымъ своимъ самоотверженіемъ до самой кончины. И эти годы его старческой дѣятельности были по-преимуществу благопріятны для обители: они вѣнчаютъ собою все время его мудраго настоятельства.

Оставшись настоятельствовать, о. архимандритъ Моѵсей сильно скорбѣлъ о внѣшней неблагоустроенности обители, все еще скудной средствами; особенно озабочивало его, что соборный обительскій храмъ во имя Преображенія пришелъ въ ветхость. Замѣтилъ это и преосвященный еп. Калужскій Григорій при посѣщеніи обители, т. к. храмъ далъ большія трещины внутри, въ главныхъ аркахъ, и сказалъ настоятелю, что храмъ надо будетъ передѣлать. О. архимандритъ открылъ владыкѣ, что и самъ онъ сокрушается этимъ, но обитель не имѣетъ средствъ воздвигнуть новый. Владыка сказалъ: „имѣйте вѣру къ угоднику Божію преподобному

Тихону. Его молитвами, Божьею помощью, хорошо построите“, и благословилъ приступить къ работамъ, старый храмъ разобрать, а надъ гробницею преподобнаго Тихона временно повелѣлъ устроить часовню.

Исполняя волю архипастыря, къ работамъ приступили немедленно. Въ 1879 г. былъ разобранъ прежній храмъ и заложенъ новый, обширнѣйшій. На закладку пріѣхалъ самъ высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Калужскій Григорій. При совершеніи ея произошло событіе, всѣми истолкованное, какъ знаменіе благословенія Божія начинаемому святому дѣлу. День, въ который происходила закладка, былъ ясный, солнечный съ утра. На небѣ ни облачка. Но во время совершенія чина, когда владыка, по обычаю, пошелъ окропить мѣсто новаго храма святою водою, изъ появившагося внезапно малаго облачка закрапалъ дождикъ, и такой маленькій и на незначительномъ пространствѣ, что смочилъ землю только на этомъ мѣстѣ. Владыка замѣтилъ это и сказалъ въ слухъ всѣхъ присутствующихъ: „есть знакъ благодати Божіей, что милость Божія съ нами грѣшными: Господь свыше окропилъ“.

За трапезой онъ много утѣшилъ о. архимандрита, ободряя его этимъ видимымъ явленіемъ милости Божіей, и тутъ же, въ починъ святому дѣлу храмозданія, пожертвовалъ отъ себя лично 100 р. Другіе благотворители, бывшіе на закладкѣ, пожертвовали всего до 5000 р. И вотъ уже было съ чѣмъ приступить къ созданію новаго храма. Пожертвованія не переставали притекать; многочисленные духовные дѣти о. архимандрита, чтившіе своего духовнаго отца, охотно шли ему на помощь въ этомъ святомъ дѣлѣ. И храмъ былъ построенъ обширный, величественный, византій-



ско-русскаго стиля, и также, какъ и прежній, освященъ во имя Преображенія Господня; а два боковые придѣла—правый во имя Богоматери, въ честь чтимой иконы Ея Владимірской, а лѣвый во имя Іоанна Предтечи, въ честь рождества его.—Внутри храмъ весь великолѣпно отдѣланъ подъ мраморъ, расписанъ художественно, украшается тремя иконостасами отличной работы; а надъ гробницей угодника Божія преподобнаго Тихона сооружена драгоцѣнная серебряная рака. На устройство храма было израсходовано 100000 рублей. Но средства притекали въ обитель такою щедрою рѣкой, что оказалось возможнымъ на остатки соорудить надъ святыми воротами обители величественную четырехъярусную колокольню, и снабдить ее прекраснымъ звономъ. Соборный храмъ этотъ и величественная колокольня обители служатъ лучшими памятниками любви и отеческаго попеченія о. архимандрита о благоукрашеніи обители.

Но этимъ не ограничилось его попеченіе. Онъ продолжалъ благоукрашать ее съ любовію до самой смерти.

Для тѣхъ изъ братій, кои ревнуютъ о совершенномъ уединеніи и безмолвіи, онъ устроилъ въ 7-ми верстахъ отъ монастыря Срѣтенскій скитъ, а въ немъ 2 храма. — каменный и деревянный; обнесъ скитъ каменною оградою, надъ вратами поставилъ колокольню. Устроивъ скитъ, онъ отпустилъ въ него желающихъ братій, и поручилъ его благонадежному старцу о. іеромонаху Макарію. Братія скита, помимо обычныхъ подвиговъ скитскаго послушанія, несетъ еще особое служеніе, такъ какъ въ скитѣ установлено неусыпное чтеніе псалтири и непрестанное молитвенное поминовеніе почившихъ благотворителей.

Въ самой обители св. кладезь преподобнаго Тихона,

ограждавшійся прежде обветшавшею часовнею, нынѣ, благодаря заботамъ и ревности почившаго о. архимандрита, осѣняется благолѣпнымъ храмомъ въ честь Живоноснаго Источника.

Занимаясь строеніемъ храмовъ, о. Моисей находилъ удѣлять время и монастырскому хозяйству. Его стараніями пріобрѣтено въ вѣчное владѣніе монастыря до 1500 десятинъ земли, частію подъ лѣсомъ, частію въ лугахъ, пріобрѣтено двѣ водяныхъ мельницы и домъ въ Калугѣ; въ обитель проведенъ водопроводъ, простаго, но замѣчательно практическаго устройства; частію заведены, частію расширены другіе отрасли хозяйства: садоводство, огородничество, пчеловодство, скотоводство, лѣсоразведеніе и пр.

Для помѣщенія все болѣе и болѣе умножавшейся братіи о. Моисей устроилъ потребное число двухъэтажныхъ каменныхъ корпусовъ, а за стѣнами монастыря выстроилъ нѣсколько гостинницъ и 2 странноиріимныхъ дома для помѣщенія богомольцевъ. Для нуждающихся во врачебной помощи устроилъ больницу. Рядомъ съ больницею, въ послѣднее лѣто, о. архимандритъ Моисей заложилъ новый храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, который уже не суждено было ему докончить.

Такъ благоукрасилъ онъ свою обитель за послѣдніе годы, хотя трудился для сего и все время своего настоятельства, въ продолженіи 37-ми лѣтъ.

Мы подробно перечислили все, сдѣланное о. архимандритомъ къ благоукрашенію обители, сколько ради благодарной памяти объ немъ за понесенные имъ труды во имя любви къ обители, по ревности къ славѣ имени Божьяго,—такъ и потому, что въ его успѣшномъ строительствѣ и хозяйствованіи имѣемъ несомнѣнное, внѣшне убѣдительное свидѣтельство его все

возраставшаго нравственнаго вліянія, такъ какъ оно именно привлекало къ нему многочисленныхъ почитателей и благотворителей, а вмѣстѣ же и доказательство того, что жизнь монашеская процвѣтала вообще въ обители подъ его мудрымъ руководствомъ: ибо и это свидѣтельствовали міряне своими щедрыми пожертвованіями за обрѣтаемое ими въ обители духовное утѣшеніе. За нимъ идетъ въ монастыри мірянинъ, и чутко прислушивается здѣсь ко всякому звуку, ко всякому шороху: и горе, если онъ увидитъ въ чемъ-либо неблагоговѣйное отношеніе къ святынѣ или неблагообразіе въ поведеніи; въ томъ, на что въ своемъ братѣ мірянинѣ онъ не обратитъ и вниманія, онъ строго осудитъ монаха. И справедливо. Ибо монастыри должны быть полною противоположностью міру: если въ мірѣ грѣхъ, суета, то въ монастырѣ, у „иноковъ“, должна быть „иная“, лучшая жизнь: здѣсь должно совершаться неустанное служеніе Богу— и въ церкви, и въ келліи, и на работѣ, въ послушаніи; особенно служба церковная должна правиться благолѣпно, благоговѣйно, строго по уставу церковному, ибо мирянинъ и идетъ въ монастырь послушать настоящую службу, и, усердно помолившись за нею, выходитъ въ міръ съ новымъ запасомъ силъ душевныхъ на обычныя, ежедневныя суетныя заботы, такъ истощающія душу.

Итакъ, монастырь въ лицѣ братіи долженъ давать мірянамъ, изнемогающимъ въ житейской борьбѣ, духовное подкрѣпленіе, пищу духовную. Вотъ его святое назначеніе. Вотъ зачѣмъ ставятъ у насъ съ неослабнымъ усердіемъ и благоукрашаютъ монастыри на св. Руси, чтобы они свѣтили ей, и освящали ее Божьею благодатію. Вотъ почему и Русь называется святою,

ибо она просвѣщается, украшается и укрѣпляется духовно въ храмахъ Божіихъ, въ святыхъ обителяхъ, небесно хранимая предстательствомъ возсіявшихъ въ нихъ угодниковъ Божіихъ.

Такое значеніе монастыря имѣлъ предъ своими духовными очами и почившій мудрый старецъ о. архимандритъ, опытно узнавъ его еще въ Оптиной пустыни, куда при старцахъ стекались люди со всей Руси, всѣхъ сословій и состояній: и князья, и вельможи, и богачи, и бѣдняки, ища духовнаго утѣшенія. А Оптина пустынь была, какъ мы видѣли, для почившаго образцомъ, по коему онъ изначала стремился управлять жизнь братіи и Тихоновой пустыни. Къ концу жизни Господь увѣнчалъ его труды: онъ утвердилъ, какъ мы видѣли, въ обители тѣ же порядки, тотъ же строй жизни, что и въ Оптиной обители.

Какихъ трудовъ стоило это о. архимандриту за все время его 37-ми лѣтняго настоятельства и сколько скорбей пришлось ему понести, про то вѣдаетъ одинъ только Сердцевѣдецъ Господь. Почившій никому не говорилъ объ этомъ. Въ заносимыхъ имъ для себя келейныхъ записяхъ мы читаемъ слѣдующее поучительное замѣчаніе о трудности сего духовнаго строительства: „и я убѣдился,—пишетъ о. архимандритъ,—что строить каменныя стѣны, питать и одѣвать братію хотя и занимательно и безпокойно, но не столько трудно, какъ, показывая собою примѣръ всякія добродѣтели, созидать братскія души. Ибо нѣтъ, кажется, труднѣе дѣла, какъ исправлять худые нравы тѣхъ изъ братій, которые не имѣютъ собственнаго къ тому произволенія. Таковыхъ ни страхомъ, ни любовію, ни наказаніемъ, ни снисхожденіемъ невозможно обратить къ добродѣтели. А поелику Господь Богъ всѣмъ намъ,

и начальствующимъ и подчиненнымъ, въ неисправностяхъ долготерпитъ по многому милосердію Своему: то и совѣсть моя убѣждаетъ меня подражать, по возможности, благости и долготерпѣнію Его".—Сими многосодержательными словами и заключимъ наше описаніе трудовъ почившаго ко благу Тихоновой пустыни. Въ этихъ немногихъ словахъ сказался онъ весь, великій труженикъ въ дѣлѣ созиданія человѣческихъ совѣстей: смиренный, кроткій, любовно снисходительный и терпѣливо настойчивый. Здѣсь его исповѣдь: отъ него самого мы слышимъ, какъ смотрѣлъ онъ на дѣло настоятельства, какъ ясно сознавалъ всю великую трудность и какъ неуклонно шелъ къ святой цѣли. Но его любвеобильное сердце было раскрыто и еще для многихъ,—для всѣхъ, кто шелъ къ нему, такъ какъ трудъ настоятельства и руководства иночествующихъ и надзоръ за благосостояніемъ и благоукрашеніемъ обителей, онъ несъ и по всей Калужской епархіи. Судя по тому, какъ дѣятельность его была отличаема епархіальнымъ начальствомъ, нужно думать, что она была и внѣшне благоуспѣшна *). Насъ же всего болѣе интересовали бы эти отношенія къ управляемымъ монастырямъ съ ихъ внутренней стороны, какъ матеріалъ для подробнѣйшаго освѣщенія личности почившаго. Не имѣя подъ руками такихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ къ другимъ, управляемымъ имъ монастырямъ, для примѣра передадимъ объ отношеніяхъ о. архимандрита къ Казанской женской обители, которую онъ посѣщалъ какъ благочинный сначала, а потомъ какъ старецъ и руководитель, съ 1871 года. Любовь

*) *Примѣчаніе.* Почившій о. архимандритъ былъ награждаемъ, по представленію епарх. начальства, разными орденами, до Владимира 3-й степени включительно.

сестеръ обители на благодарную память о своемъ батюшкѣ сохранила и доставила намъ эти свѣдѣнія *).

Первѣе всего онъ устроялъ Казанскую обитель внѣшне: при самомъ началѣ устроенія общины все дѣлалось съ его совѣта и благословенія. Во все, что касалось до обители, онъ входилъ, все принималъ къ сердцу, заботясь о ней, какъ о своей собственной. Онъ ѣздилъ самъ по дѣламъ обители при утвержденіи ея во владѣніи землями по дарственной записи строительницы Бѣл—ой. Самъ затѣмъ пріискивалъ архитектора для строенія собора; вмѣстѣ съ нимъ обсуждалъ планъ. По указанію о. Архимандрита и подъ его руководствомъ былъ сработанъ иконостасъ.—Словомъ, при устроеніи обители, „Батюшка о. Архимандритъ о всемъ самъ позаботился даже до послѣдняго снурка“ **). Его заботами и содѣйствіемъ обитель была затѣмъ переименована въ 1872 изъ общины въ монастырь.

Вмѣстѣ съ освящавшимъ храмъ владыкою онъ соучаствовалъ въ освященіи. Затѣмъ о. архимандритъ сталъ и дѣйствительно—по монашеству—первымъ духовнымъ отцемъ, положившимъ въ ней начало собственно монашеской жизни: его рукою были пострижены первымъ, съ основанія обители, постригомъ мать настоятельница и три сестры въ мантіи ***).

Ставъ духовнымъ отцомъ Казанской обители, Батюшка блюлъ ее, какъ зеницу ока. Сестрамъ обители подавалъ постоянно руководство во всѣхъ случаяхъ жизни.—„Только стоило попросить или написать ему о

---

*) Вотъ онѣ эти записи. 1) Памятная страничка о незабвенномъ нашемъ старцѣ батюшкѣ о. архимандритѣ Моисеѣ. Записки казначеи м. Аркадіи. 2) Нѣкоторые разсказы одной духовн. дочери о. батюшкѣ. Погодная запись. 3) Письма его къ духовнымъ дѣтямъ.

**) Памятная страничка, стр. 2-я.

***) Стр. 3-я.

какихъ-либо нуждахъ обители, то сейчасъ получали отвѣтъ и совѣтъ во всемъ" *). Духовное же руководство сестеръ составляло предметъ постоянныхъ заботъ батюшки. По возможности часто посѣщая обитель, онъ велъ съ сестрами постоянную переписку, какъ старецъ принимая откровеніе помысловъ, прощая и разрѣшая, обличая, наставляя, увѣщавая **). Если состояніе какой-либо изъ сестеръ или всей обители требовало его личнаго пріѣзда, онъ спѣшилъ въ обитель, не взирая ни на что,—ни на погоду, ни на слабость здоровья, ѣздилъ и на почтовыхъ, и на своихъ, и по желѣзной дорогѣ.

Итакъ, до самой старости своей, когда уже сталъ дряхлъ, и стали посѣщать его разныя немощи, не переставалъ заботиться о сестрахъ ихъ батюшка. „Жила я съ одной монахиней,—разсказываетъ объ этомъ времени одна изъ его духовныхъ дочерей,—которая была тоже духовная дочь Батюшки. Она сдѣлалась сильно больна и просила извѣстить Батюшку, чтобы онъ пріѣхалъ ее пособоровать. На другой день, въ 6 часовъ утра, Батюшка изъ своей обители, Тихоновой пустыни, пріѣхалъ къ намъ, самъ весь больной, говоря, что самъ едва всталъ, и только любовь о Господѣ тащила для сего дѣла" ***). Да и въ другое время каждый пріѣздъ батюшкѣ стоилъ большой усталости, потому что всѣхъ до одной сестеръ онъ исповѣдывалъ и пріобщалъ.

Когда имѣлъ онъ время погостить въ обители, бесѣдовалъ съ сестрами просто, по-отечески, такъ какъ каждое слово его, каждый разсказъ или наставленіе западали въ сердце его слушательницъ. Въ запискахъ се-

---

*) Стр. 1-я.

**) Какъ это увидимъ въ слѣдующей 5-й главѣ.

***) Разсказы одной дочери.

стеръ мы имѣемъ много такихъ разсказовъ Батюшки, но такъ какъ для нихъ они предназначались Батюшкою и имѣютъ для нихъ однихъ преимущественное значеніе, то пусть сестры сохранятъ въ своей памяти это дорогое, имъ принадлежащее достояніе.

Мы упоминаемъ объ этомъ, чтобы выяснить, какое значеніе имѣлъ Батюшка для обители, и почему во всякій пріѣздъ его въ обитель сестры встрѣчали его такъ любовно и радостно; такъ онъ былъ свѣтомъ очей ихъ, ихъ краснымъ солнышкомъ.

Всего лучше свидѣтельствуетъ о значеніи Батюшки для обители описаніе его пріѣзда, доставленное намъ одной изъ сестеръ. Передадимъ его въ безхитростныхъ, но глубоко прочувствованныхъ и поэтичныхъ словахъ описавшей.

Пріѣхавъ въ обитель, Батюшка „всѣхъ старался примирить, вразумлять и утверждать на пути спасенія. Какъ бы онъ не изнемогъ, но всегда, всѣмъ и каждому, находилось у него слово привѣта, ласки, шутки. Лицо, бывало, такое сіяющее. Пойдетъ по монастырю, а сестры за нимъ такъ и бѣгутъ, и безпрестанно стараются съ нимъ встрѣтиться, чтобы лишній разъ принять благословеніе и услышать ласковое слово. И въ келліи, бывало, сестеръ заходитъ и въ трапезу, и все даетъ свои мудрые совѣты, какъ что лучше надо сдѣлать. Въ саду и на мельницѣ, въ огородѣ и въ лѣсу побываетъ и на хуторъ заѣдетъ. Если нужно кому выговоръ сдѣлать, то такъ это выходило у него кротко и мягко,—скорѣе просьба и увѣщаніе было, а не выговоръ.

Зато когда, бывало, уѣзжаетъ изъ обители нашей, всѣ сестры пойдутъ въ церковь. И Батюшка туда же придетъ приложиться къ престолу, къ Казанской иконѣ Божіей Матери, чтимой въ обители. Пѣвчіе запо-

ютъ „Нынѣ отпущаеши.“ А Батюшка въ послѣдній разъ станетъ всѣхъ благословлять. Многія сестры плачутъ, и у него такое умиленіе въ лицѣ: это, бывало, не начальника съ подчиненными прощаніе, а роднаго, дорогаго отца съ дѣтьми. Потомъ Батюшка выйдетъ изъ церкви, сядетъ въ тарантасъ и поѣдетъ. А сестры побѣгутъ сюда провожать... но на границѣ монастырской земли Батюшка прикажетъ остановиться и опять благословляетъ провожающихъ и упрашиваетъ ихъ вернуться. А потомъ велитъ ѣхать шибко. И долго стоятъ сестры и провожаютъ путника глазами, полными слезъ,—до тѣхъ поръ, пока не скроется экипажъ изъ вида. По отъѣздѣ Батюшки такое всегда чувство бывало, какъ-будто монастырь опустѣлъ“ *).

И вотъ закатилось навсегда это солнышко красное обители Казанской: 4-го ноября 1895 г. отозвалъ къ себѣ Господь о. архимандрита Моисея, мудраго настоятеля однихъ, дорогаго Батюшку другихъ многихъ. Окончилась его многотрудная жизнь успокоился онъ отъ всѣхъ трудовъ своихъ.

Предчувствуя съ упадкомъ силъ приближающуюся кончину, онъ такъ умилительно говорилъ объ этомъ въ духовномъ завѣщаніи: „Возлюбленные отцы и братія! Обращаюсь къ вашей любви за молитвенною вашею помощью... помолитесь усердно Господу объ оставленіи моихъ грѣховъ, да получу отъ Него милость... Прошу о Христѣ братію мою поминать меня всегда въ церковныхъ и келейныхъ молитвахъ, чтобы Господь простилъ мнѣ всѣ мои вольныя и невольныя прегрѣшенія и упокоилъ бы меня со всѣми святыми.“ А озирая всю свою протекшую жизнь, такъ умиленно

*) Памятная страничка, стр. 3—4.

благодарилъ Господа за всѣ Его милости.—„Но что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми. Подлинно, не могу достойнымъ образомъ возблагодарить Создателя моего... Прошу и умоляю Его даровать мнѣ благій конецъ за безцѣнныя заслуги Сына Его, Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе со Безначальнымъ Его Отцемъ, и Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь."—И Господь внялъ мольбѣ вѣрнаго Своего раба и послалъ ему кончину—христіанскую, безболѣзненную, непостыдную, мирную. О. архимандритъ Моисей тихо скончался на рукахъ приближеннаго ученика его, Казначея Досиѳея и прочей любившей его, какъ отца, братіи, съ молитвою Іисусовой на устахъ, которую онъ всегда, всю жизнь, творилъ неустанно. Кончина его была воистину кончиною праведника. Но „нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ", и потому, исполняя завѣтъ почившаго, пусть усердно помолятся объ о. архимандритѣ братія обѣихъ обителей, и всѣ знавшіе почившаго, и тѣ, кто, побывая въ его обители, прочтетъ сіе его жизнеописаніе. Пусть его духовный обликъ навсегда сохранится въ сердцахъ его чтившихъ, пусть добрый примѣръ его труженической жизни, святой его подвигъ послужитъ для всѣхъ насъ назиданіемъ и урокомъ беззавѣтной преданности святому дѣлу. Пусть всякій по силамъ подражаетъ почившему въ его неустанномъ дѣланіи во славу Божію, въ его личныхъ свойствахъ смиренія, кротости, любовной настойчивости въ дѣлѣ Божіемъ,—и это будетъ лучшею памятью и лучшею благодарностью учениковъ незабвенному учителю иноческаго добродѣланія.

## V.

### Нѣкоторыя наставленія Батюшки о. Архимандрита Моусея, извлеченныя изъ писемъ его къ духовнымъ дѣтямъ.

Духовными дѣтями почившаго о. архимандрита Моусея тщательно хранились его письма къ нимъ въ постоянное руководствованіе въ потребныхъ случаяхъ жизни. Какъ духовный отецъ,—какъ старецъ руководитель, почившій Батюшка идетъ въ нихъ на встрѣчу своимъ духовнымъ чадамъ во всѣхъ затрудненіяхъ, разрѣшаетъ недоумѣнія, наставляетъ, увѣщаваетъ, обличаетъ и, прощая, разрѣшаетъ своихъ духовныхъ чадъ отъ обдержащихъ ихъ недуговъ душевныхъ. Простыя, несложныя по ихъ мыслямъ, но проникнутыя духомъ отеческой заботливости они дополняютъ образъ почившаго, какъ пастыря-руководителя по пути иноческой жизни, иноческаго добродѣланія. Но назначаясь для извѣстныхъ лицъ, имѣя въ виду настоятельную потребность всегда скорѣе наставить, направить колеблющихся,—письма эти кратки, отрывочны, состоятъ изъ практическихъ указаній и совѣтовъ, сообразованныхъ съ положеніемъ и душевными особенностями тѣхъ именно лицъ, которымъ писалъ Батюшка, и для нихъ имѣютъ преимущественно смыслъ и значеніе, какъ краткія, властныя указанія Батюшки, куда идти и что дѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ виду такого характера писемъ о. Моусея къ его иночествующимъ духовнымъ дочерямъ,—было бы излишне печатать ихъ для всѣхъ, такъ какъ они предполагались писавшимъ исключительно для нѣкоторыхъ. Но тѣмъ не менѣе то общее въ нихъ, что могло бы быть сказано и говори-

лось почившимъ въ другихъ случаяхъ, можетъ быть предложено въ извлеченіи какъ наставленія объ иноческой жизни въ назиданіе всѣхъ иночествующихъ, особенно же знавшихъ и чтившихъ почившаго.

Одинъ многоученый великій наставникъ монашествующихъ *) говорилъ однажды въ увѣщаніи инокинямъ благочестивой жизни: „Дѣла грѣховныя какія-нибудь вамъ трудно имѣть,—но при семъ можно имѣть *грѣховные помыслы*, и все же быть грѣшными предъ Богомъ. На помыслы наче и обратите вниманіе и всю ревность подвижничества.“ Та же мысль, то же увѣщаніе проходитъ чрезъ всѣ письма смиреннаго, неученаго „псалтырщика,“ какъ онъ самъ себя называлъ, Батюшки о. Моисея въ наставленіяхъ къ его иночествующимъ духовнымъ дѣтямъ.

„Привѣтствуя васъ со святымъ постомъ,—пишетъ онъ одной настоятельницѣ,—желаю вамъ провождать его съ душевными размышленіями и въ молитвѣ Іисусовой, и ею прогонять *суетные помыслы*, которые мысленно съ нами ведутъ брань. Да, это не безъ труда—ихъ отгонять прилоги“ **). Въ иныхъ письмахъ онъ указываетъ и возможныя причины ихъ, выражая ту мысль, что помыслы попускаются какъ наказаніе и вмѣстѣ слѣдствіе такого или иного духовнаго расслабленія: „Касательно находящихъ *помысловъ* Вашихъ *вредныхъ*,—это врагъ рода христіанскаго нападаетъ на васъ, чтобы васъ смутить и разстроить. Но вы не поддавайтесь и не соглашайтесь съ нимъ; это пройдетъ у Васъ, и Господь васъ проститъ. Но вѣрно, что-либо было у Васъ: либо зазрѣли кого, или осудили, не безъ причины

---

*) Въ Бозѣ почившій епископъ Өеофанъ-затворникъ.—Бесѣда въ недѣлю о разслабленномъ. 1864 г. 10 мая.

**) Письма къ одной настоятельницѣ, письмо 6-е, стр. 3. и мног. друг.

вамъ сіе попустилось." И тутъ же преподаетъ наставленіе: „Но будьте внимательнѣе къ себѣ, держитесь смиренія, самоукоренія" [1])... Или прямо, соображаясь съ положеніемъ лица, пишетъ: „Вотъ тебѣ Господь за твою гордыню попускаетъ разные вредные помыслы [2]). Но отчего бы не происходили сіи вредные помыслы,— всегда надо слѣдить за ними и отражать ихъ молитвою Іисусовой" [3]), — такъ постоянно училъ Батюшка своихъ чадъ духовныхъ.

„Молитва Іисусова—вотъ первое орудіе для борьбы со всякими находящими на насъ искушеніями" [4]). и потому навыкновеніе къ ней, вкорененіе ея было такъ же предметомъ непрестанныхъ увѣщаній Батюшки. Перелистывая его письма, едва ли не въ каждомъ встрѣчаемъ напоминаніе о молитвѣ Іисусовой. Такъ, давая молитвенное правило одной духовной дочери, онъ пишетъ: „а въ немощахъ Іисусову молитву (творите), сколько Господь поможетъ" [5]). Въ слѣдующемъ письмѣ проситъ: „посильно соборное правило не упускать... помнить молитву Іисусову, ибо это на всѣ воюющія страсти бичъ [6]). И такъ далѣе постоянно напоминаетъ: „посильно не забывайте молитву Іисусову [7]); не забывайте себя утѣшать Іисусовою молитвою [8]); помните правило, а наче молитву Іисусову" [9]); „а молитовкою Іисусовой занимайтесь" [10]). Было бы из-

[1]) Письмо 5, стр. 11.
[2]) Письмо 16-е. стр. 15.
[3]) Стр. 27, письмо 10-е стр. 3. письмо 9.
[4]) Стр. 1, письмо 1-е.
[5]) Стр 1, письмо 3.
[6]) Письмо 4, стр. 2, ср. письмо 10, стр. 4.
[7]) Письмо 19, стр. 6, письмо 5, тамъ же и письмо 6, стр. 3.
[8]) Письмо 13, стр. 5.
[9]) Письмо 20, стр. 6.
[10]) Письмо 28.

лишне продолжать такія выписки; будемъ помнить, что молитва Іисусова, посильно непрестанная—вотъ бичъ на всѣ воюющія страсти. — Ослабѣвалъ ли кто духовно, страсть ли одолѣвала, помыслы вредныя толпою входили въ душу или даже отчаяніе нападало,— спѣша ему на помощь въ такихъ случаяхъ, Батюшка не забывалъ среди другихъ наставленій напомнить о молитвѣ Іисусовой, какъ о вседѣйственномъ средствѣ къ утвержденію духовному. Конечно, предполагалъ онъ при семъ, что молитва Іисусова творится его духовными чадами, но желалъ всегда указать ея великую важность и силу, и возбудить къ ней вящшую ревность.

Такъ ограждая себя, иночествующимъ въ подвигѣ потребно помнить также непрестанно обѣты монашескіе,—а среди нихъ самое главное: 1) жить въ отсѣченіи своей воли и 2) находящія скорби нести благодушно. Вотъ эти то несложныя мысли и высказываетъ наиболѣе Батюшка въ своихъ коротенькихъ письмахъ, желая всегда утвердить въ памяти наставляемыхъ самое важное, чтобы, содержа ихъ въ душѣ непрестанно, они имѣли въ нихъ какъ бы воодушевляющее побѣдоносное знамя въ борьбѣ съ грѣхомъ. — Такъ, въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ особенно настаиваетъ на непрестанномъ памятованіи обѣтовъ монашескихъ, возводя мысль своихъ духовныхъ чадъ къ первымъ днямъ вступленія на путь иноческій, — къ этимъ лучшимъ днямъ въ жизни монашествующихъ, когда совершилось сочетаніе Христу. Онъ пишетъ: „помни первые дни вступленія въ монастырь и цѣль—зачѣмъ шла?— не на покой, а на скорби и на всякія труды", и наставляетъ тутъ же: „то и веди себя со смиреніемъ, и Господь тебя не оставитъ Своею милостію" *); или въ

*) Стр. 14, письмо 13.

другомъ письмѣ: „проси помощи Божіей себѣ и полагай начало, чтобы быть смиренной и послушливой ко всѣмъ: помни монашескіе обѣты [1]). И то при семъ главное должно помнить, что „монашескій путь не пространный, но тѣсный и усыпанъ скорбями [2]).“

Но разъ человѣкъ вступилъ на этотъ путь, ему потребно все терпѣть, отдаваясь всецѣло руководству людей, прежде вступившихъ на этотъ путь и уже опытныхъ въ духовной жизни. Иначе говоря,—монаху потребно „жить въ отсѣченіи своей воли“, — ибо личная воля наша грѣховна, а навыкъ творить волю Божію лучше всего пріобрѣтается чрезъ посредство всецѣлаго повиновенія волѣ руководствующихъ насъ въ семъ дѣлѣ. И посему писалъ Батюшка „жить въ отсѣченіи своей воли,—это самый ближайшій путь ко спасенію“ [3]). Даже послушнику, живущему въ отсѣченіи воли — скорбей не бываетъ: „потому что онъ повелѣнное отъ старца исполняетъ, отъ того онъ и покоенъ“ [4]). — Старецъ писалъ такъ, помня свое послушничество, незабвенныя для него времена старцевъ о. Леонида и о. Макарія, всѣ повелѣнія которыхъ онъ исполнялъ съ радостію. Не то было теперь: „нынѣшнее время ослабѣло противъ времени о. Льва.“ [5]). „То и горе намъ, что у насъ нѣтъ Христова смиренія, и монашеству плохо учимся, а все питаемъ мысленнаго фарисея [6]).“—И трудно, потому приходилось ему въ этомъ дѣлѣ духовнаго руководительства, ибо встрѣчалъ вмѣсто послушанія нерѣдко самомышленіе [7]), такъ что

[1]) Стр. 16, письмо 21.
[2]) Стр. 15, письмо 17, ср. стр. 14, письмо 11.
[3]) Стр. 12, письмо 1, см. еще стр. 24, п. 25,
[4]) Стр. 17-я, письмо 22-е.
[5]) Стр. 2-я, письмо 5-е, ср. стр. 4-я, письмо 10.
[6]) Стр. 20, письмо 2-е.
[7]) Стр. 18, п. 27, стр. 24, п. 6-е.

иногда вырывался у него и тяжелый вздохъ [1]), и въ письмахъ порою высказывается и скорбное чувство [2]) и сомнѣніе въ пригодности своей къ духовному руководству [3]).

Но всѣ такія горькія чувства у батюшки о. Моусея въ его письмахъ рѣдки, онѣ какъ облачки на ясномъ небѣ: въ общемъ настроеніе его духа всегда ровное, спокойное, ясное. Всѣ находящія ему скорби онъ самъ несетъ благодушно, какъ и учитъ сему пастырски - наставительно, или прямо приглашаетъ къ сему отечески ласково и дружески. Такъ одно свое письмо къ нѣкоей настоятельницѣ онъ заключаетъ такимъ сердечнымъ призывомъ: „давай вмѣстѣ скорби терпѣть [4]),“ давая тѣмъ понять, что терпѣть скорби—это общій всѣмъ удѣлъ, а наипаче монашествующимъ. „А что Вамъ много находящихъ скорбей, то въ нихъ желаю Вамъ благодушествовать. И скорби намъ полезны; онѣ ведутъ насъ въ вѣчную жизнь“ [5]). Или въ другомъ, поощряя личнымъ примѣромъ, говоритъ: „не по разуму ты скорбишь (о старцѣ), я самъ учусь благодушествовать въ находящихъ скорбяхъ. А безъ нихъ намъ *худо*: скорби насъ спасаютъ и очищаютъ отъ грѣховъ. Бѣды—вездѣ: въ градахъ и въ пустыняхъ, но безъ смиренія мы и Бога забудемъ [6]). — И еще, утѣшая свою духовную дочь, пишетъ: „А вѣдь по обѣту: имаши алкать, укоритися, уничижитися и поноситися. Надо благодушно терпѣть; намъ Промысломъ Божіимъ и скорби посылаются черезъ людей на пользу души

[1]) Тогда онъ говорилъ самъ себѣ смиренно: „ну, Моусей? по грѣхамъ твоимъ мало тебѣ. Стр. 19, письмо 31.

[2]) Въ одномъ письмѣ онъ скорбя пишетъ: „Да, вотъ мнѣ утѣшеніе грѣшному отъ чадъ духовныхъ.“

[3]) Стр. 13, п. 8-е.

[4]) Стр. 12, п. 2-е.

[5]) Стр. 12, п. 1-е.

[6]) Стр. 15, п. 15-е.

нашей, какъ въ Евангеліи сказано: многими скорбями намъ надо войти въ царствіе Божіе“ *).

Тѣ же наставленія о благодушномъ терпѣніи скорбей, ибо онѣ намъ необходимы, т. к. ими Господь смиряетъ насъ въ гордынѣ нашей, и души наши въ скорбяхъ очищаются какъ золото въ горнилѣ,—встрѣчаемъ мы во всѣхъ другихъ письмахъ старца. Батюшка о. Моѵсей все это испыталъ въ своей жизни и преподавалъ свои наставленія другимъ тѣмъ убѣжденнымъ, отъ сердца идущимъ словомъ, которое вдохновляетъ, даетъ силу—слова эти, принятыя въ сердце, поставить правиломъ жизни. Исходя изъ личнаго опыта, имѣя за собою величавую личность старца подвижника,—слово о. Моѵсея было живо и дѣйственно. Для того, кто въ сердцѣ своемъ сохранилъ его образъ, оно останется такимъ и теперь, и тѣ немногія наставленія, которыя онъ считалъ преимущественно необходимымъ преподавать иночествующимъ, будутъ приняты въ сердце всѣми чтущими память великаго старца.

Есть въ его писаніяхъ еще рядъ наставленій, обращенныхъ къ начальствующимъ. Въ нихъ онъ высказываетъ высокія мысли объ обязанностяхъ и отвѣтственности этихъ лицъ, которымъ ввѣрено руководство подвизающихся на пути иноческаго житія. Имъ надлежитъ, во первыхъ, по отношенію къ ввѣреннымъ имъ — „искать ихъ спасенія“, — къ этому направлять всѣ усилія свои. А въ этомъ дѣлѣ первѣе всего необходимо молиться за руководствуемыхъ. Старецъ пишетъ: „молитесь, матушка, за сестеръ поусерднѣе, чтобы Господь спасъ ихъ: онѣ ввѣрены вашему руководству спасать ихъ души **). Укрѣпляя себя молитвою

*) Стр. 25, п. 8-е.

**) Стр. 2, п. 5-е.

въ подвигѣ настоятельства, должно принять въ любовь свою, „нести немощи ихъ болѣе немощныхъ„ *), еще неокрѣпшихъ въ духовной жизни, питать ихъ духовною, пищею какъ мать младенцевъ, внутренно перерабатывая ее въ себѣ **). При всемъ томъ должно быть всегда крайне внимательнымъ, осторожнымъ, памятуя, что за душу каждаго ввѣреннаго попеченію придется дать отвѣтъ предъ Господомъ" ***).

Такъ понималъ старецъ свои обязанности и свято выполнялъ ихъ въ своей отеческой заботливости о ввѣренныхъ его руководству. Мы видимъ это при обозрѣніи его жизни изъ непрерывнаго ряда дѣлъ, служащихъ выраженіемъ такой его любви и заботливости. Таковъ же онъ, любвеобильный и многозаботливый, и въ своихъ письмахъ: какъ мать-насѣдка спѣшитъ укрыть подъ крыло своихъ птенцовъ отъ взоровъ хищника,—онъ любовью и всепрощеніемъ покрываетъ немощныхъ, готовыхъ пасть въ искушеніи; или какъ опытный вождь сильнымъ и краткимъ словомъ приказываетъ и одушевляетъ сражающихся въ рѣшитель-

*) Тамъ же.

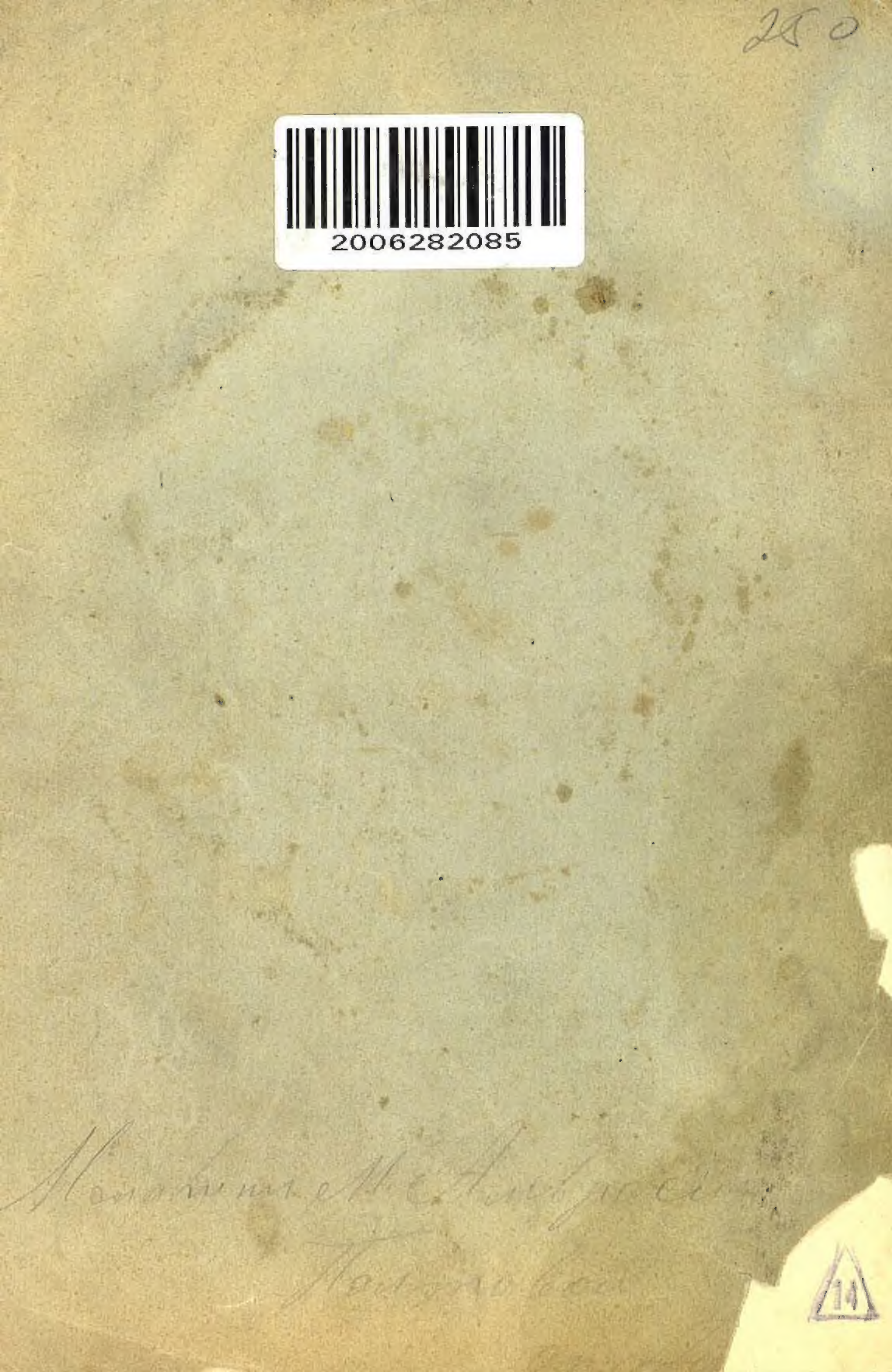
**) „А настоятельницѣ надо внутренно все выработать, все переварить." Стр. 4, п. 10.

***) Стр. 1, п. 1-е.

*Примѣчаніе*: Въ образецъ подобныхъ писемъ старца, дышащихъ любовію и миромъ приведемъ одно письмо его къ настоятельницѣ N. N. Онъ писалъ: „Пречестная и многоуважаемая о Господѣ мать настоятельница!. Миръ Вамъ и всѣмъ Вашимъ ввѣреннымъ сестрамъ о Христѣ, и милость отъ Господа. Да укрѣпитъ Онъ ваши силы душевныя и тѣлесныя и да благопоспѣшитъ во всемъ, а паче нести находящія скорби разнаго рода. Вотъ Вы и сироточка остались, лишились матери В. и мат. З.; но вѣрно такъ Промыслу Божію угодно; а Вамъ еще пожить въ воюющей церкви и потерпѣть разныя борьбы находящихъ скорбей, напастей и болѣзней сердечныхъ. Да благопоспѣшитъ Господь Вамъ все это перенести благодушно и несмущенно, и нести немощи немощныхъ. Помните переходъ къ отшедшимъ; не забывайте себя утѣшать Іисусовой молитвой и покаяніемъ мысленно о всѣмъ."—Грѣшный Архим. Моисей. 1-го апр. 86 г.

ныя минуты битвы,—такъ звучитъ и его простое, но полное внутренней силы слово, направляемое къ сильнымъ духомъ подвизающимся, среди наиболѣе опасныхъ для нихъ искушеній.—Такъ онъ умѣлъ быть для всѣхъ всѣмъ: умѣлъ всѣхъ направить, поддержать, руководить своими краткими наставленіями или увѣщаніями. Его мудрость въ семъ дѣлѣ была та, которая заключается не „въ препрительныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы.“ Полный духа Христова, имѣя въ себѣ Его силу, старецъ ею побѣждалъ сердца и руководилъ ко спасенію ввѣренныя ему души, назидая ихъ немногими, нехитрыми словами. Но въ семъ немногомъ было много, ибо оно заключаетъ въ себѣ то главное, что потребно знать всякому ревнующему о спасеніи, наипаче же вступившему на путь подвижничества иноческаго. Пусть посему всякій такой, перечитывающій эти немногія наставленія Батюшки о. Архимандрита Моѵсея о борьбѣ съ помыслами, о главномъ средствѣ къ сему,—молитвѣ Іисусовой, о памятованіи обѣтовъ, объ отсѣченіи воли и благодушномъ несеніи скорбей, — запечатлѣетъ ихъ тверже въ памяти своей,—ибо ихъ не много, и сдѣлать это легко,—и сложитъ въ сердцѣ своемъ, чтобы слѣдовать имъ, и онъ увидитъ себя на томъ единомъ пути, которымъ подобаетъ ходити всѣмъ хотящимъ спастися, наипаче же сего ради иночествующимъ. Свѣтлый образъ почившаго старца Батюшки о. Архимандрита Моѵсея да будетъ всѣмъ намъ побужденіемъ и примѣромъ, чтобы и намъ подвигомъ добрымъ подвизаться и достигнуть спасаемыхъ части, которой, вѣримъ, за молитвы Церкви, удостоитъ милостивый Господь Своего вѣрнаго раба, почившаго Батюшку, о. Архимандрита Моѵсея.




2006282085